

Материалы секции
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

22-27 апреля 2018
НОВОСИБИРСК

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МНСК-2018

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Материалы
56-й Международной научной студенческой конференции

22–27 апреля 2018 г.

Новосибирск
2018

УДК 81
ББК 81я431
Я 41

Научный руководитель секции:
д-р филол. наук, доцент И. Е. Ким

Председатель секции — д-р филол. наук, проф. Л. Г. Панин

Ответственный секретарь секции — О. В. Павлова

Экспертный совет секции:
д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарева
д-р филол. наук, проф. Н. Н. Широбокова
д-р филол. наук, проф. Н. А. Лукьянова
канд. филол. наук, доцент О. Г. Щеглова
канд. филол. наук, доцент О. М. Исаченко
канд. филол. наук, доцент Т. И. Белица

Я 41 Языкознание: Материалы 56-й Междунар. науч. студ. конф.
22–27 апреля 2018 г. / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск: ИПЦ НГУ,
2018. — 88 с.

ISBN 978-5-4437-0762-4

УДК 81
ББК 81я431

ISBN 978-5-4437-0762-4

© СО РАН, 2018
© Новосибирский государственный
университет, 2018

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSC-2018

LINGUISTICS

Proceedings
of the 56th International Students Scientific Conference

April, 22–27, 2018

Novosibirsk
2018

УДК 81
ББК 81я431
Я 41

Section scientific supervisor — Dr. Philol. I. E. Kim

Section head — Dr. Philol., Prof. L. G. Panin

Section responsible secretary — O. V. Pavlova

Section scientific committee

Dr. Philol., Prof. N. B. Koshkareva

Dr. Philol., Prof. N. N. Shirobokova

Dr. Philol., Prof. N. A. Lukjanova

Dr. Philol., Assoc. O. G. Scheglova

Dr. Philol., Assoc. O. M. Isachenko

Dr. Philol., Assoc. T. I. Belitsa

Я 41 Linguistics : Proceedings of the 56th International Students Scientific Conference. April, 22–27, 2018 / Novosibirsk State University. — Novosibirsk : IPC NSU, 2018. — 88 p.

ISBN 978-5-4437-0762-4

УДК 81
ББК 81я431

ISBN 978-5-4437-0764-4

© SB RAS, 2018

© Novosibirsk State University, 2018

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ИСТОРИЯ

УДК 811.581.11 + 81'367

Бытийные модели элементарных простых предложений в русском и китайском языках (на материале рассказов А. П. Чехова)

М. А. Абашина

Новосибирский государственный университет

Работа посвящена сопоставительному исследованию статических бытийно-пространственных элементарных простых предложений в рассказах А. П. Чехова «Толстый и тонкий», «Дом с мезонином», «Человек в футляре», «Хамелеон» и их переводах на китайский язык Жу Луна. Объект исследования — элементарные простые предложения (ЭПП) русского и китайского языков с глагольным сказуемым. Предметом исследования выступает сравнение структуры и семантики бытийных ЭПП в русском языке и особенностях их перевода на китайский язык.

Бытийно-пространственные модели как в русском, так и китайском языках разделяются на статические и динамические. Статический класс пространственных моделей представлен бытийно-локативными моделями и моделями обладания. Бытийно-локативные модели далее делятся на бытийные и локативные. В отличие от локативных моделей, где в качестве ремы выступает не бытующий субъект, а локализатор, в бытийных моделях рематическим является подлежащие, и основная функция таких предложений — вводить в дискурс новых участников.

Экзистенциальная модель $Lex^{Loc} V_f^{Ex} N_{Nom}^{Ex}$ описывает наличие / отсутствие предмета в пространстве. В структуре таких предложений три компонента: локализатор (статическое обстоятельство места), бытийный глагол 有 *yǒu* 'иметь, обладать, есть' и имя бытующего предмета. Место бытийного глагола могут занимать его эквиваленты и аналоги: *существовать, иметься, бывать* и т. д., а также отрицательная форма 没有 *méiyǒu* 'не быть'.

Например: 那里有那么好的梨, 那么好的甜瓜, 那么好的‘卡巴克’!

[А. П. Чехов «Человек в футляре»]

nàlǐ	yǒu	nàme	hǎo	de	lí,	nàme	hǎo
там	есть	такой	хороший	POSS	груша,	такой	хороший
de	tiánguā,	nàme	hǎo		de		‘kǎbākè’
POSS	дыня,	такой	хороший		POSS		‘кабак’

‘Там такие груши, такие дыни, такие кабаки!’

Существуют следующие варианты данной модели:

а) со значением отсутствия $\text{Lex}^{\text{Loc}} \text{V}^{\text{Ex}} = \text{Neg} \text{N}_{\text{Nom}}^{\text{Ex}}$. Например:

这里的四壁没有粗劣的石版画。

zhèlǐ	de	sìbì	méiyǒu	cūliè de shí bǎnhuà
здесь	POSS	стены	не иметь	олеография

‘В этом [небольшом уютном] доме не было на стенах олеографий’.

б) со значением количества $\text{Lex}^{\text{Loc}} \text{V}^{\text{Ex}} \text{Num} \text{N}_{\text{Nom}}^{\text{Ex}}$. Например:

走廊里有好几扇门。 [А. П. Чехов «Дом с мезонином»]

zǒulán	lǐ	yǒu	hǎojǐ	shàn	mén
коридор	послелог ‘в’	иметь	много	сч. сл.	дверь

‘Тут в коридоре было несколько дверей’.

в) со значением категорического отрицания / утверждения наличия предмета в каком-либо месте $\text{Lex}^{\text{Loc}} \text{N}_{\text{Nom}}^{\text{Ex}} \text{V}^{\text{Ex}} = \text{Neg} / \text{Lex}^{\text{Loc}} \text{N}_{\text{nom}}^{\text{Ex}} \text{V}_f^{\text{Ex}}$. Например:

店门附近连一个乞丐(qǐgài)都没有。 [А. П. Чехова «Хамелеон»]

diànmén	fùjìn	lián	yīgè	qǐgài	dōu	méiyǒu
лавка	поблизости	даже	один	нищий	все	не иметь

‘Около лавок нет даже нищих’.

Каждая из этих моделей также может иметь несколько вариаций их наполнения, что говорит о наличии в китайском языке разнообразных средств передачи одного и того же смысла.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарева

Модели номинаций жилых комплексов города Новосибирска

У. В. Ананьева

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена исследованию моделей номинаций жилых комплексов г. Новосибирска. Названия жилых комплексов являются единицами эргоурбонимии. Это направление ономастики объединяет наименования коммерческих городских объектов. В связи с тем, что эргоурбонимии выполняют не только номинативную, но и рекламную функцию, они должны обладать особенной яркостью и образностью. Сфера жилищного строительства в настоящий момент активно развивается, появляется все больше домов с «именами», поэтому исследования в данной сфере являются крайне актуальными. Объект нашей работы — названия современных жилых комплексов. Предметом являются модели номинаций, по которым создаются наименования.

В качестве материала исследования было отобрано 166 единиц наименований жилых комплексов и 58 единиц слоганов. Слоганы рекламных кампаний послужили дополнением к основному лексическому материалу, что позволило наиболее полно изучить специфику рассматриваемой сферы. Источниками для отбора лексических единиц послужили электронный справочник по жилым комплексам г. Новосибирска, а также рекламные сайты самих объектов.

Целью работы является изучение эргоурбонимии на примере наименований жилых комплексов. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: рассмотрение особенностей искусственной номинации объектов, изучение содержания основных терминов в области эргоурбонимии, выявление основных свойств условно-символического типа номинации, создание классификации названий жилых комплексов г. Новосибирска по моделям номинаций, а также анализ и классификация слоганов.

В ходе работы было выявлено 23 модели номинации, самой распространенной из которых является номинация «по местоположению объекта» (29%). Этот факт указывает на то, что при номинации жилых комплексов в первую очередь учитывается адрес строящегося объекта. Удобное расположение ЖК является важным преимуществом, соотнесённость с каким-либо локальным объектом важна для целевой аудитории, поэтому это часто отражается в названии: «Дом на Берёзовой Роще» (станция метро «Берёзовая Роща»), «Дом на Золотой Ниве» (станция метро «Золотая Нива»). Также наблюдается тенденция обращения к историческому прошлому города, когда в имени жилого комплекса отражается его соотнесённость с географиче-

скими объектами, когда-то находившимися в данном месте: ЖК «Покровский» (от ул. Покровской, которая в данный момент называется ул. Дуся Ковальчук), «Milkhouse» (находится на месте бывшего молочного завода).

Вторыми по распространенности стали следующие модели: номинация «по признаку, характеризующему жилой комплекс» (8 %) и номинация «по названиям видов природного ландшафта» (8 %). В первом случае название жилого комплекса отражает его свойства: ЖК «Просторный», ЖК «Хороший». Во втором случае в качестве наименования, как правило, используется название природного ландшафта, характерного для местоположения жилого комплекса. Таким образом подчёркивается одно из главных преимуществ объекта, покупатель информируется о том, что жилой комплекс находится в местности с благоприятной экологической обстановкой. Среди номинаций данного типа, например, ЖК «Сосновый бор», ЖК «Тихий берег».

Слоганы часто дополняют названия жилых комплексов и создают вместе с ними единую рекламную концепцию. Однако из 166 объектов слоганы имеются лишь у 58. В качестве критерия для классификации слоганов было выбрано УТП, или уникальное товарное предложение — основное преимущество, отличающее объект рекламы среди множества других [1]. Основным УТП в сфере жилых комплексов является выгодное местоположение (19 %), например, «Жить в центре Новосибирска!», «В самом центре преимуществ». Следующей по многочисленности является группа слоганов, УТП которых «Новая жизнь, новые возможности» (16 %). Слоганы такого рода являются эмоциональными и абстрактными и не отражают конкретных преимуществ жилых комплексов среди других: «Ваши новые возможности!», «Новый уровень жизни». 16 % от общего числа составляют слоганы, отражающие концепцию жилого комплекса. Например, слоган может отражать архитектурную концепцию: «Архитектурный casual», «Немецкое качество жизни» или объяснять смысл названия: «Пари над миром!» (ЖК «Vericut-house»), «С видом на Новосибирск!» (ЖК «Панорама»). Однако в целом, исходя из того, что из 166 жилых комплексов слоганы имеются только у 58, можно сделать вывод, что большинство строительных компаний не видят необходимости в создании слоганов.

Таким образом, данная работа исследует и систематизирует обширный материал в области эргоурбонимии, а также обладает практической значимостью для компаний, занимающихся неймингом в сфере жилых комплексов.

1. Морозова И. Г. Слагая слоганы: моногр. / И. Морозова. М.: РИП-холдинг, 2003. 172 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук О. Е. Яковлева

**Неизосемические способы выражения
пропозиции качественной характеристики в русском языке
(на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»)**

И. И. Бакайтис

Новосибирский государственный университет

Пропозиция — это «объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных смыслов и от той проекции, которую придает ему та или иная формальная организация предложения» [1: 686]. Особенность пропозиции качественной характеристики заключается в том, что предмету, явлению или событию приписывается некий постоянный признак. (1) *Он образован.* (2) *Характер у Капитана был весёлый* (Ю. Коваль. Капитан Клюквин). Предложение качественной характеристики отвечает на вопрос *каков?* Изосемической (стандартной) схемой пропозиции качественной характеристики в русском языке является N_1 (**cop**) $Adj_{1/5}$, где N_1 — существительное в именительном падеже, (**cop**) — факультативный глагол-связка *быть, являться, казаться* и т. п., $Adj_{1/5}$ — прилагательное в именительном или творительном падеже. Однако в русском языке существуют и другие, неизосемические (нестандартные) способы выражения данного типа пропозиции.

Проанализировав 75 примеров неизосемического выражения пропозиции качественной характеристики из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», мы выявили 30 неизосемических схем, с помощью которых выражается пропозиция качественной характеристики. Данные схемы соответствуют стандартным способам выражения пропозиций денотативного тождества (...*Его невеста была верх совершенства*), таксономической характеристики (Он [принц] *был джентльмен...*), акциональной пропозиции (*Свод этих правил обнимал очень малый круг условий...*), пропозиции местонахождения (...*Есть что-то мизерное в этом считанье*), статальной пропозиции (*Принц много путешествовал...*), пропозиции движения с директивом-финишем (*Сухая голова ее [лошади]... расширялась... в выдающиеся ноздри с налитой внутри кровью перепонкой*) и движения по поверхности (...*Вы живете по правилам*). Были выявлены также смешанные схемы, такие как существование + денотативное тождество (*М-лле Варенька эта была... как бы существо без молодости...*), качественная характеристика + отношение одного субъекта к другому (*Вронский... был человек, ненавидевший беспорядок*), качественная характеристика + статальность (...*Вы склонны смотреть на вещи слишком трагически*), качественная характеристика + акциональность (...*Свяжский был ... необыкновенно просто носящий свое образова-*

ние человек), качественная характеристика + местонахождение (... [Доктор] уехал, оставив в Алексее Александровиче неприятное впечатление, что что-то в нем [Алексее Александровиче] нехорошо...), качественная характеристика + перемещение объекта субъектом до предела (Трава была по пояс в середине лощины).

Практически во всех примерах прослеживается изменение семантики типовой синтаксической структуры, предшествующий форированию значения качественной характеристики и оказывающий определенное влияние на данный тип пропозиции в конечной семантике предложений. Ниже приведены схемы перехода семантики, выявленные нами (звездочкой помечены пропозиции, для которых схема предложения является стандартной и которые не выражены в примерах напрямую, но чьи схемы, тем не менее, оказывают влияние на семантику предложения):

- 1) сравнение → качественная характеристика;
- 2) таксономическая характеристика → качественная характеристика;
- 3) эмотивность → качественная характеристика;
- 4) акциональность → качественная характеристика;
- 5) существование → качественная характеристика;
- 6) местонахождение → качественная характеристика;
- 7) статальность → качественная характеристика;
- 8) движение → качественная характеристика;
- 9) денотативное тождество* → качественная характеристика;
- 10) существование* → качественная характеристика;
- 11) существование → качественная характеристика;
- 12) денотативное тождество → существование → качественная характеристика;
- 13) акциональность → эмотивность → качественная характеристика;
- 14) акциональность → существование → качественная характеристика;
- 15) акциональность → социальная пропозиция → качественная характеристика;
- 16) статальность → эмотивность → качественная характеристика;
- 17) статальность → соответствие → качественная характеристика;
- 18) денотативное тождество* → соответствие → качественная характеристика;
- 19) акциональность* → соответствие → качественная характеристика;
- 20) местонахождение* → существование → качественная характеристика.

1. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарёва

Исторические изменения в этимологическом гнезде слов с индоевропейским корнем **bheudh-* в русском языке

С. И. Беспамятных
Новосибирский государственный университет

Работа посвящена изучению исторических изменений в этимологическом гнезде слов с корнем **bheudh-* в русском языке.

В результате сплошной выборки из «Словаря русского языка XI–XVII вв.», «Словаря Академии Российской» и «Словаря церковнославянского и русского языка» нами выявлены слова с корнями, восходящими к индоевропейскому корню **bheudh-*. С помощью словообразовательного анализа мы построили гнезда с вершиной **bheudh-* для следующих периодов развития русского языка: XI–XVII вв., XVIII в., XIX в. Построенные нами гнезда являются этимологическими, т. к. они представляют совокупность словообразовательных гнёзд синхронного уровня языка, единицами построенных гнёзд являются этимологически родственные слова:

блюсти

- на**-блюсти
- наблюд-**а**-ть
- наблюдать-**ся**
- наблюда-**тель**
- наблюдатель-**н**-ый
- наблюдательн-**о**

Вершина каждого из этимологических гнёзд, определенных нами, — это слово, восходящее к праформе **bheudh-*, которое, в свою очередь, является производящим для четырех слов, представляющих четыре ступени вокализма: $\emptyset // (l) 'u // o // u$ — *бдѣти*, *блюсти*, *бодръ*, *будити*, которые также являются производящими для всех остальных единиц гнезда.

В результате словообразовательного анализа мы обнаружили, что, например, в состав этимологического гнезда с вершиной **bheudh-* в русском языке периода XI–XVII вв. входило: 56 глаголов, 32 имени существительных, 13 имен прилагательных, 5 наречий, 3 причастия. Преобладающим способом словообразования в данном гнезде является суффиксация (62 слова), причем с помощью суффиксации образовывались все части речи — и глаголы (*разбудити*, *пробдѣвати*), и существительные (*бдѣние*, *блюстителство*), и прилагательные (*соблюдательный*, *бдѣливый*), и наречия (*несоблюдить*, *бдительне*), и причастия (*бодренный*, *бдѣнный*). Префиксация как

способ словообразования представлена в 16 производных словах. В основном это глаголы (*зابدѣти, пребдѣти, возбудити*). С помощью постфикса *-ся* образовано 16 глаголов с возвратным значением (*блюстись, возбнутися, возбудитися*). Префиксально-суффиксальным способом образовано 6 слов (*возбнути, наблюдать, неблюдимый, пребодръгйший, возбьдати, обудитися*), 4 слова в данном словообразовательном гнезде появилось в результате сложения основ с суффиксацией (*закоблоститель, градоблоститель, местоблоститель, бодроопасный*) и 1 слово образовано префиксально-постфиксальным способом (*обудитися*). Среди приставок и суффиксов представлены такие, которые сохраняют продуктивность и в современном русском языке (приставки *за-, на-, по-*; суффиксы *-н-, -тель-, -ни-* и др.), а также и те, которые утратили продуктивность.

Построенные нами этимологические гнёзда мы сравнили со словообразовательными гнездами слов современного русского языка, представленными в «Словообразовательном словаре русского языка» Тихонова А. Н., вершинами которых являются слова *бдеть, блюсти, бодрый, будить, будни, наблюдать, снабдить*.

В процессе анализа этимологических гнезд мы пришли к выводам, что многие слова в ходе истории русского языка были утрачены (*бодроопасный, пребдѣвати, градоблюдие, будильщик*), а также большое количество слов с этимологическим корнем **bheudh-* появилось в русском языке за последнее столетие (*электровозбудимость, беспробудный, врачебнонаблюдательный, газоснабжение*).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент О. Г. Щеглова

Лингвокреативная деятельность авторов интернет-отзывов о парфюмерии

Е. В. Васильева

Дальневосточный федеральный университет, г. Уссурийск

Парфюмерный дискурс выделяется на основе тематического критерия и объединяет все тексты, вербализующие концепты «запах» и «духи». Он широко представлен в СМИ, среди которых ведущую роль играет интернет-коммуникация. Интернет-отзывы о парфюмерии еще недостаточно изучены, особенно с точки зрения реализации в них лингвокреативного мышления говорящих, что определяет актуальность данного исследования. Цель данной работы — выявить и описать дискурсивно-лингвистические особенности интернет-отзывов о парфюмерии, публикуемых в электронном журнале «Fragrantica», в аспекте лингвокреативной деятельности.

Интернет-отзывам о парфюмерии присущи основные функциональные характеристики парфюмерного дискурса (**информативность, образность, оценочность, персуазивность**) и свойства, определяемые каналом передачи информации, главным из которых является **публичность**.

К лингвистическим особенностям интернет-отзывов о парфюмерии относится **синтетический тип речи**, который обладает такими качествами, как неофициальность, субъективизм, изобразительность, полистилизм, стремление к языковой компрессии, разговорный характер речи (разговорные и просторечно-жаргонные слова, неполные предложения, парцелляция), особое сочетание общеупотребительной и профессиональной лексики, обилие иноязычных слов.

Главными коммуникативными целями авторов интернет-отзывов о парфюмерии выступают **аттрактивная** и **самопрезентирующая**: описание собственных обонятельных ощущений, структурирование опыта и выражение личного отношения к аромату.

Лингвокреативная деятельность направлена на обыгрывание существующих и создание новых средств для передачи индивидуального восприятия парфюмерного продукта. Оценка аромата зависит от субъектных планов (наблюдателя, субъекта непосредственного восприятия, ментального состояния, общего или индивидуального мнения и др.), которые находятся в сложном взаимодействии друг с другом.

Такой важный жанрообразующий признак текстов интернет-отзывов о парфюмерии, как **образная конкретизация**, реализуется средствами всех уровней языка с помощью различных приемов словесной образности [2]. Средством субъективации оценки является использование **метафоры**: ан-

тропоморфной, биоморфной, вестиментарной и др. «При олицетворении аромату приписываются эмоциональные и физиологические состояния, личностные качества, душевные свойства, поступки, поведение, социальный статус, родственные связи» [1, С. 33]: «**Аромат-личность. Он требует соблюдения субординации...**» (Звёздочка).

Проявлением лингвокреативного мышления авторов интернет-отзывов является активное использование приемов языковой игры: **прием речевой маски**: «Подозреваю, именно поэтому у нас Нью и не продавался почти в официальных сетях. «А чтоб бабы совсем не загордились! Не смущали, понимаешь, мушшын своими... афродизяками. Мушшын надобно подманивать сладостями. Нехай в сиропе тонут, пирожными заедают, диабет себе зарабатывают. Не доросли, понимаешь, до таких извращений шишио.»» (Opioman); **фонетическая деформация слова**: «Ну что могу сказать: я любитель цитрусов и специй, но конкретно этот экземпляр напоминает дикалон))» (natakar); **паронимическая аттракция**: «*Seysenagon*, какая прелесть: «**Жизнь без духов-бездуховная жизнь!**»» (zuleka); **нарушение законов сочетаемости слов**: «Первое впечатление от *попроба* — **свежесвыжатые бабушки**))))))))» (Авиация); **обыгрывание названия парфюмерного продукта**, основанное на многозначности слов [2]: «*Вот и я попала в джунгли, слоник моментально обвил меня своим душистым хоботом и молниеносно посадил на свою душистую спину*» [*Kenzo Jungle L'Elephant*] (Giginbottom); **создание окказионализмов**: «Люблю эти пузатые **флакоши**))» (Танзила); **аллюзии и реминисценции**: «К сожалению, я не знакома с винтажной версией Эсти — возможно, это и правда была **Маргарита, летящая на щетке**» (Integrita).

Таким образом, лингвокреативное мышление авторов интернет-отзывов реализуется средствами всех уровней системы языка с помощью разнообразных приемов языковой игры, способствующих достижению прагматических целей в данном сегменте парфюмерного дискурса.

1. *Маринченко И. А.* Когнитивные аспекты антропоморфной метафоры в парфюмерном дискурсе // Интерактивные и интегративные методы современной филологии: мат. Междунар. науч. конф. 18-19 сент. 2017 г. / под общ. ред. С. М. Колесниковой. М.: МПГУ, 2017. С. 31–38.

2. *Маринченко И. А.* Образная речевая конкретизация в парфюмерном дискурсе // Филологические открытия: сб. науч. ст. / Дальневост. фед. ун-т; отв. ред. Н. В. Беляева. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2017. С. 73–83.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент И. А. Маринченко

**Стратегия дискредитации Русской православной церкви
в современной российской публицистике
(на примере книги А. Невзорова «Отставка господ бога.
Зачем России православие?»)**

К. В. Волчок

Сибирский Федеральный университет, г. Красноярск

В задачи настоящего исследования входит анализ стратегии дискредитации Русской православной церкви (далее — РПЦ), а также описание используемых при этом языковых средств и стилистических приемов. Эмпирическим материалом послужила книга журналиста и советника директора Первого канала А. Невзорова «Отставка господ бога. Зачем России православие?» (М.: ЭКСМО, 2015). РПЦ является не только институциональной структурой православия, но и важным фактором социального устройства общества (согласно исследованию Института социологии РАН, по состоянию на 2012 г., 79 % граждан страны исповедуют православие [1]). Именно поэтому РПЦ стала одной из основных мишеней информационно-психологической войны, в которой участвуют на стороне противника представители российских либеральных СМИ.

Основная стратегия анализируемого текста — дискредитация. Коммуникативная сущность данной стратегии заключается в подрыве доверия к церкви, её доктринам, в принижении исторической роли православия, а также в умалении авторитета служителей церкви и прихожан. Особо отметим дискредитацию когнитивного плана, когда в сознание читателя внедряется мысль о несостоятельности основ православной веры. Автор стремится к понижению социального имиджа РПЦ как структуры, основы которой зиждутся на православной доктрине: «*Православие как идеология — это главное несчастье России, которое на 700 лет затормозило её развитие*» [2, С. 9]; «*С культурой же мировой православие вообще не имеет никакой, даже внешней связи*» [2, С. 34] «*Толпы погромщиков, дезертиров, расстрельщиков, убийц и насильников воспитала именно русская православная церковь*» [2, С. 40]. Отметим прием градации, нанизывания негативно-оценочных ярлыков. Православие именуется «*скучной и пафосной белибердой*», «*маргинально-черносотенный маразм*», а РПЦ — «*оскандалившейся корпорацией*», «*главствующей религиозной группировкой*», которая распространяет «*кровавую, деструктивную, лицемерную и агрессивную идеологию христианства*» [2, С. 10, 12, 43, 75].

Стратегия дискредитации реализуется также с помощью тактики умаления авторитета РПЦ через осмеяние. Объектами злой насмешки стано-

вятся не только православные священники, но и прихожане православных храмов, которые именуются «воцерковлёнными» и «долбителями лбом об пол». Мишенью особенно жесткой критики становится Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, которому бездоказательно приписываются такие пороки, как стяжательство и нравственная нечистоплотность. Сторонников патриарха Невзоров именует «гундяевцами».

Отметим также тактики десакрализации и деканонизации православных святых. Например: «... история Петра и Февронии — это история брака, который был заключен вследствие грубого шантажа со стороны невесты. Брак оказался бездетным и закончился разводом, так как супруги, постригшись в монашество, разбрелись по разным монастырям (М и Ж). В этом контексте используется такой приём, как ирония, далее переходящая в гротеск. Женский и мужские монастыри автор маркирует литерами М и Ж, которыми, как известно, обозначаются общественные туалеты. Читателю сообщается, что после смерти Петр и Феврония «устроили блистательное «зомби-шоу», перед которым меркнут всякие там тыквы, упыри и даже говорящая кукуруза» [2, С. 112–113]. На низвержение святых в данном случае направлен такой стилистический приём, как кинематографическая аллюзия (апелляция к фильмам ужасов).

Играя на тотальное понижение авторитета РПЦ, автор книги «Отставка господ бога. Зачем России православие?» использует также уничижительные окказиональные наименования молитв, церковных правил и традиций, имен православных священников: «отченаш», «выголодовка» (о церковных постах), «а. мени» (ср.: Александр Мень).

В целом для книги А. Невзорова характерно очернительство РПЦ путём использования коммуникативных и когнитивных тактик стратегии дискредитации. Автор создает крайне негативный образ православия и его институциональных структур, употребляя языковые и стилистические средства «языка вражды».

Радикально-критическая публицистика А. Невзорова является примером информационно-психологической агрессии в отношении Русской православной церкви, на духовных доктринах которой зиждутся нравственные основы значительной части российского общества.

1. Невзоров А. Отставка господ бога. Зачем России православие? М.: Эксмо, 2015. 224 с.

2. Добрынина Е. Вера и надежды // Российская газета. 2013. № 5981(5). [электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/01/15/sociologia.html> (дата обращения 29.01.2018).

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. О. В. Фельде

**Диминутивные формы имён существительных
тематической группы «Пища» в русском и немецком языках**

С. А. Гарифулина

Новосибирский государственный университет

Использование диминутивов — характерная черта разговорной речи. Употребление уменьшительных форм слов тематической группы (ТГ) «Пища» имеет свои особенности.

Объект нашего исследования — диминутивные формы имён существительных ТГ «Пища» в русском и немецком языках, **предмет** исследования — особенности семантики и употребления русских и немецких диминутивов

Учитывая разные подходы к определению понятия *диминутив*, мы сформулировали собственное: **диминутив** (деминутив) — уменьшительная или уменьшительно-ласкательная разговорная форма имен (существительного и прилагательного), наречия и глагола, представляющая собой словообразовательный дериват, осложненный эмоциональной экспрессивностью. В нашей работе анализируются только диминутивные существительные.

В русском языке есть несколько способов выражения диминутивности, из которых наиболее универсальным является суффиксация. В немецком языке формантами диминутивности также являются суффиксы, мы анализируем только лексемы с суффиксами *-chen* и *-lein*. Такой выбор обусловлен их принадлежностью к наддиалектной разновидности немецкого языка, т. е. многочисленные диалектные варианты данных суффиксов мы не рассматриваем.

Для выявления особенностей употребления диминутивов были использованы материалы Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и корпуса Берлинско-Бранденбургской академии естественных и гуманитарных наук (www.dwds.de).

В ходе исследования нами были выделены факторы, обуславливающие различное употребление уменьшительных ТГ «Пища» в двух языках.

Продемонстрируем некоторые различия на примере русской формы *супчик* и немецкой *Süppchen*.

Потому что это — щи! А не больничный супчик! — Чего глаз не кажешь?! — с ходу попенял он [Б. Екимов. Пиночет (1999)]. — В этом примере диминутив *супчик* выражает пренебрежительное отношение говорящего к «больничному супу».

Да мне много-то и не надо: съем супчика, яблочко натру с морковкой — и сыта [Э. Русаков. Как я умирала // «Сибирские огни», 2013].

В данном контексте диминутив только уменьшительная форма, используя которую автор подчёркивает небольшой объем пищи.

*Wenn wir im Hotel sind, essen wir ein heißes **Süppchen**, und dann ab ins Bett* [Noll, Ingrid: Ladylike, Zürich: Diogenes 2006, S. 246]. — ‘Если мы находимся в отеле, мы едим горячий **супчик** и затем идём в постель’.

Можно предположить, что здесь слово *Süppchen* обладает экспрессивностью, если автор говорит о каком-то конкретном, любимом или понравившемся супе. Но, как показывают другие контексты (в том числе из Интернета), *Süppchen* не имеет оттенков экспрессии и употребляется как нейтральный эквивалент для неуменьшительной формы *Suppe*.

*Doch in Wirklichkeit kocht jeder sein eigenes **Süppchen*** [Die Zeit, 18.05.2000, Nr. 21] — ‘Но на самом деле каждый варит свой собственный **супчик**’.

Этот пример демонстрирует вхождение слова *Süppchen* в состав фразеологизма, который интерпретируется как ‘делать что-либо, не ставя никого в известность’. Форма *Süppchen* часто встречается в немецком корпусе, в отличие *супчик*, которое в данном значении не используется.

Другой причиной различия является развития у диминутива нового лексического значения. Для примера используем контексты с сущ. *Хлебушек* и *Brötchen* ‘булочка’.

*На-ка вот тебе черемши... И **хлебушка** возьми тоже... Эх, рубаха-то у тебя вся в крови... Заскоружла* [А. Геласимов. Степные боги (2008)].

В этом примере автор использует диминутив, чтобы выразить вежливость по отношению к адресату.

*Damals kosteten **Brötchen** noch fünf Pfennig, und die Musik wurde von Hand gemacht* [Der Tagesspiegel, 25.02.1999]. — ‘Тогда ещё **булочки** стоили пять пфеннингов и музыку создавали вручную’.

Дериват немецкого *Brot* ‘хлеб’ имеет новое лексическое значение. В контекстах часто встречаются определения, указывающие на степень свежести булочек. Отдельно отметим контексты со словосочетанием *зарабатывать на булочки*. Их частотность объясняется экстралингвистическим фактором: в Германии небольшие булочки пользуются большей популярностью, чем буханки хлеба. Например, именно булочки, а не нарезанный хлеб принято есть на завтрак. *Зарабатывать на булочки* аналогично русскому *зарабатывать на хлеб*.

Таким образом, примеры свидетельствуют о существенных различиях в употреблении диминутивов ТГ «Пища» в русском и немецком языках.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент О. М. Исаченко

К вопросу о предметно-бытовой лексике в Стишном Прологе

Е. А. Гончаренко

Новосибирский государственный университет

В докладе представлены некоторые результаты изучения предметно-бытовой лексики в памятнике письменности XV века из собрания Троице-Сергиевой Лавры № 715 Стишном Прологе.

Предметом исследования являются особенности предметно-бытовой лексики и ее функционирования в тексте Стишного Пролога. Материалом для исследования послужили лексемы, которые были выделены методом сплошной выборки из мартовских чтений СП.

Под предметно-бытовой лексикой вслед за Лукиной Г. Н. мы понимаем «лексику, отражающую сферу удовлетворения повседневных материальных потребностей людей» [1]. Этот пласт лексики является основой словаря любого языка и отражает культуру народа в его историческом развитии.

Особый интерес к предметно-бытовой лексике древнерусского языка возникает в 80-х годах XX века. В частности, над этой темой работали Н. В. Судаков («Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика)»), Г. Н. Лукина, которая в монографии «Предметно-бытовая лексика древнерусского языка» рассмотрела группы наименований пищи, драгоценных камней, одежды, тканей и др., О. Н. Гауч («Особенности организации лексических групп предметно-бытовой лексики»), Г. А. Богатова, Л. Ю. Астахина («Лексические группы в русском языке XI–XVII вв.») и другие исследователи.

Таким образом, наша работа вписывается в круг существующих трудов по предметно-бытовой лексике в древнерусском языке, но отличается новым материалом, поскольку в лингвистическом отношении Стишной Пролог еще малоизучен, а предметно-бытовая лексика памятника исследуется впервые в нашей работе.

Мы поставили перед собой несколько задач, которые позволяют провести наиболее полный анализ предметно-бытовой лексики Стишного Пролога. Во-первых, необходимо провести классификацию всей отобранной лексики по отдельным тематическим группам. Например, уже на первом этапе можно выделить группу родовых наименований пищи (пища, брашно), видовых наименований пищи (леща), наименований одеяний (ризы), утвари (сковрада), предметов интерьера (ложе, постеля) и др.

Классификация по тематическим группам покажет, какие из них были наиболее обширными и насколько это связано со спецификой рассматриваемого нами Стишного Пролога.

На этом же этапе следует обратить внимание и на частотность лексем, поскольку некоторые слова встречаются в тексте два и более раза (брашно). Анализ контекстов повторяющихся лексем позволит выявить оттенки значения анализируемых слов, и мы сможем судить не только об их частотности непосредственно в тексте, но и об употреблении в древнерусском языке вообще.

Во-вторых, необходимо сопоставить выявленную лексику в тексте Стишного Пролога с историческими словарями русского языка, в частности, со Словарем русского языка XI–XVII вв., что позволит увидеть, отражена ли анализируемая нами лексика в словарях, совпадают ли значения и графическая оболочка слов, представленных в тексте СП и в словарных статьях, и проследить изменения, которые произошли со словом в конкретном списке.

В-третьих, важным этапом работы является анализ происхождения лексем с помощью историко-этимологических словарей. Такой анализ позволит выделить исконную и заимствованную лексику, восстановить праславянские основы и проследить пути заимствования.

Наконец, важно проследить функционирование предметно-бытовой лексики в тексте. Для этого мы анализируем каждый отдельный контекст и делаем вывод о том, с какими частями речи сочетается лексема, какова ее синтаксическая функция, используется ли она в составе специфических оборотов.

Решение всех перечисленных нами задач способствует достижению цели исследования, а именно проведению комплексного анализа предметно-бытовой лексики в конкретном памятнике письменности.

1. *Лукина Г. Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М.: Наука, 1990. С. 3.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент О. Г. Щеглова

**Лексико-семантическое поле *удовольствие*
(по данным толкового словаря и Национального
корпуса русского языка)**

С. В. Евдокимова

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена описанию лексико-семантического поля (далее — ЛСП) *удовольствие*, построенному на основе данных «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (далее — БТС) [2003] и «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ). Под ЛСП понимаем упорядоченное множество языковых единиц разных частей речи, группирующихся на основании наличия ядерной семы.

Объект исследования — ЛСП *удовольствие*. Предмет — состав и структура названного поля. Материал для анализа извлечён из БТС и НКРЯ (контексты с 2000 г. по настоящее время) с помощью методов сплошной выборки, компонентного анализа, ступенчатой идентификации и дистрибутивного анализа.

Детальное рассмотрение указанного материала позволило нам сделать следующие выводы.

1. В ядре ЛСП располагается лексема *удовольствие* ‘чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний’, ‘то, что вызывает, создаёт такое чувство; приятное развлечение, забава’, а также семь наиболее близких по значению однокоренных слов: *довольный, довольство, довольствоваться, удовлетворение, удовлетворённый, удовлетворить, удовлетвориться*.

2. Ближнюю периферию ЛСП *удовольствие* занимают лексические единицы, которые в словаре определяются через компоненты ядра поля, то есть имеют эксплицитную сему ‘удовольствие’, ‘удовлетворение’. Например, *насладиться, приятный, радость*.

3. Слова, которые определяются через лексемы, расположенные на ближней периферии, составляют дальнюю. Эти слова входят в такие тематические группы, как «источник удовольствия» (например, *аттракцион, вечеринка*), «характеристика источника удовольствия» (например, *удачный, комфортный*), «человек как ценитель удовольствия» (например, *гурман, бабник*) и др. Кроме того, к внешнему кругу поля относятся единицы, в толковании которых мы находим семы ‘недовольство’, ‘отсутствие удовольствия’, например, *разочарование* ‘чувство неудовлетворённости, вызванное несбывшимися ожиданиями, надеждами или мечтами’, *брюзгливый* ‘выражающий недовольство, неодобрение’, *бессильный* ‘не находящий удовлетворения, выхода’.

Таким образом, в ЛСП *удовольствие*, построенное по данным БТС, входит 300 лексем (376 ЛСВ). Основная часть этих слов приходится на лексе-

мы, описывающие источник удовольствия, его характеристики (например, *аквапарк, подарок, вкусный*) и действия, которые связаны с положительными эмоциями (например, *любоваться, шалить*). Кроме того, для феномена **удовольствие** оказываются важными другие приятные чувства (например, *кайф, восторг, эйфория*) и характеристика людей, вызывающих радость у других или стремящихся наслаждаться жизнью (например, *молодец, бонвиван*). Количество лексем, описывающих негативные эмоции, сводится в рассматриваемом поле к минимуму.

При корректировке ЛСП **удовольствие**, построенного на материалах БТС, с помощью данных НКРЯ мы выяснили следующее.

4. Ядро поля необходимо расширить словосочетаниями типа *с удовольствием V и V с удовольствием*, где *V* — глагол. Контексты, взятые из НКРЯ, позволяют сделать выводы о том, что русский человек с удовольствием может осуществлять различные действия (1056 различных глаголов в рассмотренных словосочетаниях).

5. К ближней периферии поля стоит отнести глаголы-конверсивы *получать / получить — доставлять / доставить*, прилагательное *большой*, местоимение-прилагательное *свой*. Также мы определили некоторые источники удовольствия из словосочетаний типа *удовольствие от чего-либо* и реципиента удовольствия из словосочетаний типа *удовольствие кому*. Эти единицы являются ключевыми для описания феномена **удовольствие**.

6. Дальняя периферия ЛСП **удовольствие** демонстрирует, что для русского человека наслаждение — это действительно ценно, поэтому он стремится выделить это чувство при описании и использует для этого частицы, прилагательные или местоимения-прилагательные, например: *одно удовольствие, такое удовольствие, какое удовольствие, это удовольствие, особое, огромное удовольствие*. Кроме того, часто употребляются такие конструкции, как *не без удовольствия* и *не мочь отказать себе в удовольствии*. Указывается и то, что это удовольствие является собственным, а также может быть дорогим. На дальней периферии находим лексическую единицу, доказывающую значимость именно получения наслаждения: *испытывать*. Обратим внимание на то, что какие-то предметы появляются, а действия производятся *для, ради* достижения радостного чувства. Также в дальней периферии оказывается единица *V от удовольствия*, подобной которой мы не наблюдали в ближней периферии и ядре: удовольствие способно вызвать какое-то действие, например, видимое изменение цвета лица, произнесение особенных звуков, появление улыбки или желание прыгать.

Итак, ЛСП **удовольствие**, описанное в терминах ядра и периферии, состоит из 325 единиц (лексемы, словосочетания).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Т. И. Белица

Языковое выражение социальных действий управления в разговорной речи гуманитарной интеллигенции

О. Н. Зюзина

Новосибирский государственный университет

Объектом данного исследования являются лексические единицы с семантикой социального действия управления, а предметом — их функционирование в речи представителей гуманитарной интеллигенции. Соответствующие контексты были отобраны методом сплошной выборки из расшифрованных аудиозаписей шести публичных бесед с разными информантами, проведённых в рамках проекта «Легенды и мифы Академгородка». Всего в изучаемом материале отмечено 529 контекстов с 240 лексемами со значением социального действия управления.

Описываемое в данной работе действие управления является одной из разновидностей социального действия. В соответствии с актантной, или пропозитивной, моделью социального действия, основывающейся на соотношении позиций субъектов в типизированной ситуации действия, социальные действия управления представляют собой **коагентивные действия**. Социальные действия данного типа являются сложными кооперативными действиями, при которых оба социальных субъекта, выполняя фактически разные операции, стремятся к достижению одной цели [1, с. 75].

Смысл социального действия управления можно описать так: первый социальный субъект поручает второму социальному субъекту совершить определённое действие. Следовательно, первый субъект является здесь доминирующим участником ситуации. Результатом рассматриваемого действия заключается в реализации исполняющим субъектом цели, поставленной ему управляющим субъектом, оказывающейся общей для них обоих. Таким образом, социальное действие управления состоит из двух операций: управляющей и исполняющей. При этом полная структура действия данного типа включает в себя следующие элементы: управляющего субъекта (S1), предикат с семантикой управляющего действия (Pr1), исполняющего субъекта (S2), предикат со значением исполняющего действия (Pr2). В изучаемом материале социальное действие управления реализуется в 9 вариантах описанной структуры. Преобладающим здесь оказывается вариант, включающий S1, Pr1 и S2 (169 контекстов, 32 %). Необходимо отметить, что он характерен преимущественно для социальной деятельности управления, которая представляет собой комплекс циклически воспроизводимых действий рассматриваемого типа и является их усложнением: *Векуа уехал, стал руководить* (Pr1) *вот Новосибирским университетом* (S2) **Спартак**

Тимофеевич Беляев (S1)... (Информант 2); *И директором (Pr1) ЦГАЛИ (S2) бессменным была Наталья Борисовна Волкова (S1), жена упоминавшегося здесь сегодня Зильберштейна (И5).* Также в исследуемой интеллигентской речи широко распространён вариант реализации структуры социального действия управления, включающий S1 и Pr1 (84 контекста, 16 %): *Это опять Александр Данилович Александров, который (S1) был некое время ректором (Pr1) (И3); А тут вмешался, конечно, обком партии (И6).* Таким образом, в рассматриваемом материале социальные действия управления преимущественно не реализуются во всей полноте своей структуры, что связано с особенностью разговорной речи, позволяющей ввиду знания социальных реалий говорящим и слушающим, наличия у них общей апперцепционной базы опустить некоторые очевидные социальные смыслы, что также служит проявлением действия принципа экономии речевых усилий. При этом важно отметить, что первостепенное значение здесь приобретает собственно управляющая операция описываемого социального действия, которая эксплицируется в абсолютном большинстве случаев.

Социальные действия управления с точки зрения юридической оформленности самого действия и отношений между его субъектами делятся на официальные и неофициальные. Абсолютное большинство представленных в изучаемой речи гуманитарной интеллигенции социальных действий управления являются официальными (472 контекста, 89 %), что объясняется особенностью рассматриваемой ситуации, преимущественно предполагающей асимметрию социальных ролей её участников: *Тогда сразу брали в армию, но тех, кто окончил десятилетку, предпочитали куда-нибудь вот ещё дальше послать учиться (И1); Именно под этим предлогом госбанк запретил операции этой фирмы в 70-м году...* (И4).

Перспективы данного исследования мы видим в дальнейшем отборе и анализе языкового материала.

1. Ким И. Е. Сопричастность и контроль в личной и социальной семантических сферах современного русского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 2011. 433 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, доцент И. Е. Ким

Концепт-мифологема «ведьма» в ангарской лингвокультуре

К. В. Кайзер

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

К числу актуальных задач современной лингвистики относится исследование лингвокультурных концептов, которые позволяют рассмотреть диалектическую связь языка и культуры и выявить особенности ценностной картины мира этноса. Согласно Ю. С. Степанову, концепт — это то, «в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек ... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [2, С. 43]. Особой разновидностью лингвокультурных концептов являются концепты-мифологемы, или культурно маркированные мыслеобразы, находящиеся на стыке обыденного и мифологического сознания. Именно эти концепты представляют особый интерес при изучении традиционной крестьянской лингвокультуры, сложившейся под влиянием древних верований и представлений.

В задачи настоящей работы входит исследование языковых средств репрезентации концепта-мифологемы «ведьма» в лингвокультуре Северного Приангарья. Материалом исследования являются былички «Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья» [<http://angara.sfu-kras.ru>]. Вслед за В. В. Красных мы придерживаемся мнения о том, что лингвокультура — это «воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура» [1, с. 60].

Именем исследуемого концепта является лексема *ведьма*. В русских говорах Северного Приангарья функционируют и другие наименования женщины со сверхъестественными способностями: *волхитка*, *колдовка*, *знаткая*, *бабка-шептунья*.

Лексема *ведьма* относится к праславянскому словарному фонду. По мнению М. Фасмера, она восходит к **vêdê* — «я знаю». В современном русском литературном языке лексема *ведьма* функционирует в двух значениях: «1. В народных поверьях: женщина, продавшая душу нечистой силе (дьяволу) в обмен на обладание особыми знаниями и способностями; колдунья. 2. Бранно. О безобразной, злой женщине». Анализ понятийного слоя концепта «ведьма» в концептосфере лингвокультуры Северного Приангарья позволил выявить следующие когнитивные признаки: 1) реальная женщина, знакомая рассказчику, которая обладает особыми тайными знаниями: *Знаткая — это чё-то знает. Как у меня соседка была <ведьма>, и она мне там говорила заговор, и говорить заговор, и она никогда с места не вильнет ничего так. Заговор такой, что корова стоит, как стена* (Бг.: Пинчуга, 2017);

2) реальная женщина, знакомая рассказчику, которая совершает тайные ритуалы для нанесения вреда кому-либо: *Она обвораживала. Если семья разваливатца, она может соединить. Если семья хорошо живёт, она может разрушить её* (Мт.: Рыбное, 2016); *Она это яйцо чёртово запихала всё-таки, запихала, бумажечку туда бросила. Так знаете чё, в конторе, как тока вечер, начнется всякий звон, колокольчик, рёв, плач, вой, то как в трубу дует, вот такое...* (Мт.: Рыбное, 2016); 3) женщина, которая, по слухам, обладает сверхъестественной способностью превращаться в животное: *Ихто-то, кака-то делалась свиньёй и приходила. И её избили, эту свинью. И она убежала. Убежала, а утром, говорят, заболела вот эта вот старуха. Вот это я слыхала у свекровки. Волхитка сделалась свиньёй и пришла во двор* (Бг.: Иркиннеево, 2015).

Для структуры концепта *ведьма* характерно наличие образно-перцептивного и аксиологического слоев. В рассмотренных нами устных текстах представлены «картинки жизни» рассказчика, в которых участвует деревенская ведьма: *Я подоила, выхожу с молоком-то, а вядёрко железно полно. <...> И вот она поглядела, и всё. Я утром прихожу — корова-ту одну литру дала. Во двор приходили, значит, портили, я-то так понимаю-то как, — портили скота, на кого злой* (Кеж.: Кодинск, 2015). Действия ведьмы оцениваются отрицательно; выделяется большое число контекстов с негативно-оценочными существительными и предикатами: ... *они входили с хитростью* <...> *выведает всё, а потом подкатятся к этой самой девчонке или бабёнке ну и напакостят* (Бг.: Пинчуга, 2017).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-14-24008.

1. *Красных В. В.* Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык за рубежом. М.: Гос. ин-т русс. яз. им. А. С. Пушкина. 2011. № 4. С. 60–66.

2. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. О. В. Фельде

Характерные особенности реализации модусных и диктумных значений в романе Е. И. Замятина «Мы»

А. О. Каршакевич

Новосибирский государственный университет

В данной работе был проведен анализ отрывка романа Е. И. Замятина «Мы» с позиций функционального синтаксиса. Целью исследования является поиск и интерпретация связи синтаксической структуры художественного произведения и его смысловых и стилистических особенностей.

Было проанализировано 41 предложение романа первой и второй записей. В данном отрывке выявлено 147 пропозиций, 58 пропозиций выражено развернуто, 79 реализуются в свернутом виде, 10 — в полусвернутом. Отсюда следует, что свертывание пропозиций (60,5 %) реализуется в 1,5 раза чаще, чем выражение пропозиций в развернутом виде (39,5 %). Среднее количество пропозиций составляет 3,6 пропозиции на одно предложение, что свидетельствует о высокой степени компрессии смыслов.

Перечислим отличительные черты романа «Мы».

1. Преобладание свернутых пропозиций качественной характеристики. В данном отрывке были выявлены 79 пропозиций качественной характеристики, 18 пропозиций действия, 9 пропозиций перемещения или более сложных пропозиций каузированного движения, 7 пропозиций местонахождения, 7 интродуктивных пропозиций, 5 пропозиций состояния и 5 — восприятия, 4 пропозиции существования, 4 пропозиции номинативного тождества, 2 пропозиции таксономической характеристики и 1 пропозиция движения. Наиболее частые случаи свертывания пропозиций составляют пропозиции качественной характеристики. Осуществив инверсию её компонентов, получаем свернутую пропозицию качественной характеристики, типичную для русского языка, например, *«Вам предстоит благотельному игу разума подчинить неведомые существа»*. В данном предложении имеются две свернутые пропозиции качественной характеристики: «игу разума — благотельное» и «существа — неведомые».

2. Неизосемические реализации диктумного значения. Переход от изосемического способа выражения пропозиции к неизосемическому происходит при замене некоторого компонента структуры предложения словом другой семантики: *«Вам предстоит благотельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах, — быть может, еще в диком состоянии свободы»*.

В данном предложении типовая синтаксическая структура пропозиции местонахождения репрезентирует статальную пропозицию состояния. Пре-

дикат опущен и может быть выражен словом «находиться». Модель элементарного простого предложения — $N_1^{Ex} V_f^{Ex}$ в N_6^{Loc} . Структура пропозиции местонахождения выглядит следующим образом: $S \leftrightarrow Pr \rightarrow LOC$, где S — субъект, Pr — предикат, LOC — локализатор. В этом предложении в позицию локализатора, который изосемически должен обозначать место, встает лексема, обозначающее состояние. Таким образом, по форме предложение напоминает пропозицию местонахождения, но по смыслу является пропозицией состояния.

3. Большое количество модусов. Например, следующее предложение имеет сложную семантическую структуру, так как оно осложнено модусными значениями: *«Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю — точнее, что мы думаем ...»*.

4. Реализация многих пропозиций в социальной сфере и малое количество пропозиций, выраженных в эмоциональной. При подсчете не анализировались свернутые пропозиции качественной характеристики, поскольку возможна их неоднозначная интерпретация, например, *«Да: проинтегрировать грандиозное вселенское уравнение. Да: разогнуть дикую кривую, ...»*. В данных примерах имеют место метафоры, сферу реализации которых сложно определить точно. В анализируемом отрывке 30 пропозиций (40,5 %) выражаются в физической сфере, 21 пропозиция (28,4 %) — в социальной, 7 пропозиций (9,5 %) — в интеллектуальной, 6 пропозиций (8,1 %) — в психической, 6 пропозиций (8,1 %) — в эмоциональной и 4 пропозиции (5,4 %) — в физиологической. Высокий процент реализации пропозиций в социальной сфере обуславливает стилистический жанр произведения — социальную антиутопию. Также примечательно, что редко пропозиции, выраженные в эмоциональной сфере, что помогает писателю создать образ механизированного мира и живущих в нём людей-машин, лишенных чувств.

Таким образом, начало романа «Мы» Е. И. Замятина обладает сложной семантической структурой, изобилием компрессии смыслов, что подтверждается наличием множества свернутых пропозиций, а также высоким показателем среднего количества пропозиций на одно предложение.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарева

Гипержанр соболезнования в интернет-коммуникации

А. В. Кожеко

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

В связи с развитием интернет-коммуникации многие традиционные речевые жанры претерпевают значительные изменения, в том числе и жанр соболезнования. Прежде всего, это связано с развитием интернет-технологий. Во-первых, появляется возможность распространения сообщения о смерти среди большого количества пользователей, что позволяет создавать так называемые «страницы памяти», размещать более подробную информацию об усопшем, получать поддержку даже со стороны незнакомых людей. У этого есть и негативные последствия, например, проявление речевой агрессии по отношению к покойному или его родственникам, троллинг. Во-вторых, в социальных сетях можно прикрепить к сообщению фото, видео и аудиоматериалы, благодаря чему скорбящий может поделиться воспоминаниями об умершем. Расширяются и возможности выражения соболезнования: вместо слов, которые бывает трудно подобрать, могут использоваться готовые картинки, содержащие универсальный текст соболезнования, или же смайлы — заменители невербальной реакции на событие. «Лайк» под сообщением о смерти или в комментарии, содержащем соболезнование, следует расценивать как выражение своего рода поддержки, проявление внимания к усопшему или его родственникам.

Соболезнование, согласно словарю С. И. Ожегова, означает выражение сочувствия, сожаления. Соболезнование относят к этикетному речевому жанру, выражающему сочувствие по поводу смерти кого-либо. Цель этого жанра — ослабление негативного состояния адресата, моральная поддержка. Как правило, в подобной ситуации сожаление выражается не только в использовании непосредственно соболезнования, но и наряду с утешением, сочувствием, поддержкой, обращением к покойному и т. д. Поэтому считаем целесообразным отнести соболезнование к гипержанру, т. е. объединению нескольких жанров в пределах одной ситуации, связанных обобщенной коммуникативной целью.

Т. В. Тарасенко выделяет два жанра соболезнования: информатив (сообщение о смерти) и соболезнование. Стоит отметить, что в интернет-коммуникации соболезнование может выражаться как в самом оповещении о смерти, так и в комментариях к данному сообщению. На наш взгляд необходимо отдельно проанализировать сообщение о смерти и комментарии к такой публикации. В тексте, содержащем информирование об умершем (в социальных сетях это, как правило, пост — запись на стене пользователя или сообщества) можно выделить три составляющие.

1) Информатив — формальное изложение ситуации, в котором обычно содержится имя покойного, дата, время, место и причина смерти, время и место прощания с покойным. Причина и обстоятельства смерти указываются на усмотрение близких. Чаще всего к такому посту прикрепляется фотография усопшего.

2) Соболезнование, сообщение о чувствах. Если автором публикации является близкий родственник покойного, в тексте сообщения используется тактика выражения эмоций по поводу происшествия. В таком случае в тексте может использоваться обращение к покойному («*Женечка, дорогой, братик мой...*»), клишированные фразы жанра соболезнования («*царствие небесное*», «*земля тебе пухом*», «*вечная память*», «*помним, любим, скорбим*» и т. п.), воспоминания об умершем (перечисляются положительные качества человека, его заслуги, истории, связанные с ним и т. д.), сетования («*на кого же ты нас оставил*», «*как больно, невозможно с этим справиться*», «*тяжело перенести боль утраты*» и т. п.). К таким постам могут прикрепляться фото или видео с умершим, слайд-шоу (демонстрация серии фотографий), музыка (грустная мелодия, песня о подобных ситуациях, или композиции, ассоциирующиеся с покойным), стихотворения, посвященные усопшим, картинки с соболезнованием и т. д.

Если же запись опубликована официальным лицом, выступающим от имени организации, знакомым усопшего или просто равнодушным к трагедии человеком, в тексте сообщения используются жанры соболезнования, утешения, сожаления, поддержки, солидарности, воспоминания, обращения к покойному. В таких записях присутствуют только некоторые элементы информирования — могут сообщаться имена покойных и дата их смерти. Чаще всего подобные публикации совершаются через долгое время после трагедии, зачастую спустя годы.

3) Смешанные тексты. Содержат информатив и эмоционально-оценочные единицы жанра соболезнования. Обычно публикуются в ближайшее время после смерти человека.

В текстах комментариев к соболезнованию встречаются речевые жанры сочувствия, утешения, соболезнования, воспоминания, пожелания родным, обращение к покойному. В интернет-коммуникации последнее выражается в специфичной форме. На личной странице умершего после записей владельца профиля появляются сообщения как бы с «личным» обращением к усопшему («*зачем ты это сделал, как мы теперь без тебя*», «*сегодня тебе исполнилось бы 16, поздравляю тебя*», «*сегодня пойду к тебе на могилку*» и т. п.). Получается, человека уже нет, но его профиль в социальной сети продолжает функционировать. В сети некоторые пользователи называют это явление «цифровым кладбищем», куда приходят близкие, чтобы «поговорить» с покойным.

Научный руководитель — д-р. филол. наук. проф. И. В. Евсеева

Речевые стратегии интерпретации имиджевой информации в новостях, размещенных на сайтах вузов

И. А. Коровин

Томский государственный университет

Цель исследования — выявить стратегии интерпретации имиджевой информации, используемые в новостных текстах, размещенных на сайтах вузов.

Представление такой информации в новостях на сайте вуза регулируется решением имиджевых задач.

В качестве материала выступили новостные тексты, размещенные на сайтах вузов первой группы (НГУ, ТГУ, ВШЭ) участников проекта «5-100», включающие информацию об официальных оценочных рейтингах, значимых для данного проекта (30 текстов).

Исследование опирается на методологию критического дискурс-анализа (Р. Водак, Т. ван Дейк и др.), позволяющую представить принципы формирования текста новости в его обусловленности социально заданной имиджевой интенцией соответствующего дискурса.

В результате были выявлены наиболее регулярно используемые имиджевые дискурсивные стратегии, которые реализуются за счет особого конфигурирования дискурсивной информации о рейтингах и ее представления в новостной текстовой форме. Выделенные стратегии объединены в 2 типа.

1. **Сравнительные стратегии**, манипулятивно использующие различные способы категоризации вузов и различные формы ее текстового представления. Манипулирование реализуется за счет включения вуза в разные группы, «сформированные» автором новости.

1.1. Сравнение на основании признаков, не связанных с рейтингами. Регулярно формируется новостной фрагмент, содержательно дополняющий рейтинговое сравнение как объект описания. Собственный вуз сравнивается с центральными (Москва, Санкт-Петербург) и зарубежными. Это становится ценностно значимым в случае близости их позиций в рейтинге (*По материаловедению НГУ занял третье-пятое места наравне с СПбГУ и МФТИ. Также в пятерке лидеров Новосибирский госуниверситет по математике, наукам о жизни и наукам о Земле; Times Higher Education также опубликовал рейтинги по направлениям «Образование», куда вошел МГУ им. Ломоносова, и «Право», где российские университеты не были представлены.*)

1.2. Сужение состава сравниваемых вузов с целью представить позицию своего вуза как уникальную. Уникальность формируется искусственно, путём ограничения состава конкурентов по выбранному признаку — территориальному, профильному и др., т. е. отклонения от заявленной в начале

новости конкурентной группы — мировой, европейской, национальной, профильной и под. (*В предметном рейтинге по экономике и бизнесу ВШЭ расположилась на первом месте среди всех российских вузов, обогнав МГУ им. Ломоносова, СПбГУ и КФУ*) — территориальная уникальность; *«ВШЭ — единственный университет широкого профиля в топ-5, на равных сочетающий технические и гуманитарные направления подготовки»* — профильная уникальность).

1.3. Характеристика конкурентного фона как высокого, упоминание в тексте достижений ближайших стабильных конкурентов вуза (*В репутационный рейтинг RUR-2017 вошли еще два томских университета: ТПУ находится на 314-ом месте, ТУСУР — на 700-м*).

1.4. Упоминание позиций в рейтингах, не являвшихся целевыми для демонстрации в новости (*Впервые в этом году НГУ вошел в топ-200 лучших вузов мира по направлению «Математика» — 193-я строчка. Хороший результат НГУ показал и в предметном рейтинге по направлению «Химия» (286-я позиция), по «Инженерным наукам» — 587-е место*).

1.5. Упоминание собственных прошлых позиций — демонстрация прогресса (*Новосибирский государственный университет значительно улучшил свои результаты в рейтинге по сравнению с прошлым годом как в общем зачете, так и в предметных рейтингах*).

2. **Информирующие стратегии**, манипулятивный потенциал которых обеспечивается особым отбором представляемой информации.

2.1. Перечисление критериев оценки вузов в рейтингах, подтверждающее высокий уровень вуза по рейтинговым критериям (*Деятельность вузов оценивается по шести параметрам: образование, исследования, социальная среда (деятельность вуза в социальной сфере), международная деятельность (интернационализация) /.../*).

2.2. Характеристика уровня авторитетности, актуальности и объективности рейтинга, в котором вуз занял определенные позиции, чтобы усилить эффект объективности оценки (*Рейтинги QS — одни из самых влиятельных мировых рейтингов вузов. Рейтинг «QS University Rankings: Развивающаяся Европа и Центральная Азия (ЕЕСА)» впервые опубликован в 2014 году*).

2.3. Упоминание в тексте достижений и заслуг, не связанных с рейтинговыми критериями, однако создающих благоприятный имидж за счёт своей значимости в целом (*Факультет предлагает англоязычные магистерские программы и программы аспирантуры, интерес к которым растет не только у российской молодежи, но и у иностранных студентов*).

Научный руководитель работы — д-р филол. наук, доцент И. В. Тубалова

Сравнительный анализ фразеологических единиц с семой 'обман' в русском, английском и итальянском языках

М. С. Косарева, А. С. Исаева
Новосибирский государственный университет

Работа посвящена сравнительному анализу фразеологизмов, описывающих ситуацию обмана. Объект исследования — русские, английские и итальянские фразеологические единицы (далее ФЕ) с семой 'обман'. Предметом исследования является сопоставительный анализ семантики данных единиц.

В нашей работе мы придерживаемся широкого подхода к пониманию сущности фразеологической единицы, т. е. относим к фразеологическому фонду как идиомы (фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания), так и пословицы и поговорки. Материалом исследования послужили 100 русских, 100 английских и 100 итальянских ФЕ, описывающих ситуацию обмана. Сбор материала производился методом сплошной выборки из русских, английских и итальянских фразеологических словарей [1–5].

Цель работы состоит в выявлении сходств и различий в семантике этих фразеологизмов, что позволит определить общие и уникальные черты русского, английского и итальянского национального характера с точки зрения представлений о правде и лжи. **Актуальность** исследования обусловлена тем, что в русском, английском и итальянском языках представлено большое количество ФЕ, описывающих ситуацию обмана, которые еще не изучены в сопоставительном аспекте.

В нашей выборке с точки зрения эквивалентности ФЕ выделяются 4 группы:

1) ФЕ, сходные по значению и по структуре (49 единиц, 14 %): 'обманывать' (глагол + сущ. + предлог + сущ.): *пускать пыль в глаза / cast (throw) a mist before smb. 's eyes* (букв. «наводить туман перед чьими-либо глазами») / *gettare la polvere negli occhi* (букв. «бросать пыль в глаза»);

'обманывать' (глагол + сущ.): *кривить душой / pull smb. 's leg* (букв. «тянуть чью-либо ногу») / *essere ipocrita* (букв. «быть лицемером»);

2) ФЕ, сходные по значению, но различные по структуре (81 единица, 23 %), ср.:

'обманывать': *втирать очки* (глагол + сущ.), *have smb. on* (букв. «обманывать, разыгрывать») (глагол + предлог), *darla da bere a qd* (букв. «дать выпить кому-либо») (глагол + глагол);

3) ФЕ, различные значению, но сходные по структуре (73 единицы, 21 %):

глагол + сущ.: *zaprawлять arana* ‘рассказывать небылицы’, *метать пет-ли* ‘запутывать, обманывать кого’;

wear a (the) mask (of) (букв. «носить маску (чего / кого)») ‘скрывать свои истинные намерения’, *bring to light* (букв. «вынести на свет») ‘вывести на чистую воду кого, разоблачить кого’;

vendere vesciche (букв. «продавать волдыри») ‘врать, надумать, обманывать’, *sparare fandonie* (букв. «выдавать чушь») ‘бессовестно врать’;

4) ФЕ, различные и по семантике, и по структуре (148 единиц, 42 %):

попадаться (попасться, пойматься) на удочку кому, к кому ‘давать себя обмануть’ (глагол + сущ.);

do brown (букв. «делать коричневым») ‘обмануть, обобрать, обчистить’ (глагол + прил.);

mentire sfacciatamente (букв. «лгать бесстыдно, нахально») ‘лгать в глаза’ (глагол + наречие).

Таким образом, на основании проведенного исследования мы выявили как ФЕ, эквивалентные в сопоставляемых языках, так и уникальные для каждой культуры устойчивые обороты. Привлечение контекстного анализа в дальнейшей работе позволит установить особенности функционирования ФЕ с семой ‘обман’ в разных языках.

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2001.

2. Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Федоров А. И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.

3. Коток В. А. Самые употребительные итальянские фразеологизмы. Москва: АСТ [и др.], 2010.

4. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык-Медиа, 2006.

5. Рецкер Я. И. Итальянско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1982.

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. Г. Рычкова

Способы заимствования латинской лексики в русский и английский языки на примере словообразовательного гнезда глагола *pono*

В. В. Мамонова

Новосибирский государственный университет

Целью данной работы является наблюдение над системой отношений между лексикой латинского языка и современных индоевропейских языков на примере одного латинского глагольного корня *pon-/pos-* ‘класть’ и лексем, восходящих к нему.

Для ее достижения нами была сделана сплошная выборка из латинско-русского словаря И. Х. Дворецкого всех лексем словообразовательного гнезда выбранного глагола, всего 97 лексем. На основе этой выборки составлены подгнезда, содержащие русское и/или английское заимствования с корнем *pon-/pos-* (57 рядов). Для русского, реже для английского заимствования, приведены однокоренные слова, произведенные от заимствованного слова. Это позволяет пронаблюдать продуктивность словообразования уже в заимствовавшем языке.

I. Анализ словообразовательного гнезда глагола *pono* позволил выявить 16 словообразовательных моделей. В них задействуется как основа инфекта *pon-*, так и основа супина *posit-*.

Наиболее многочисленную группу (20 лексем) составляют производные глаголы, образованных префиксальным способом, например: *im-pono*, *ex-pono*. При этом присоединяемые префиксы чаще всего сохраняют пространственную семантику омонимичных предлогов, но могут приобретать и переносное значение.

Частотными также являются модели образования существительных от глагольной основы супина при помощи суффикса *-io*, например, *posit-io*, *apposit-io* (13 лексем), и адъективация — переход перфектного причастия в прилагательное, например, *compositus*, *expositus* (8 лексем).

Остальные словообразовательные модели были не так частотны, на основе каждой из них в данном гнезде образовалось не более 6 лексем.

II. При анализе соответствий между латинскими лексемами и их заимствованиями в русский и/или английский языки были выявлены основные способы заимствования лексики латинского языка.

Наиболее частой (17 соответствий) оказалась модель заимствования существительных, образованных в латинском языке при помощи суффикса *-io* (*-ion-*). В английский язык заимствование приходит в бывшей форме аккузатива с усечением окончания. В результате наблюдается регулярное соответствие латинскому буквосочетанию *-tio* английского *-tion* ([tsio] — [ʃn]).

В русский язык лексема переходит с сохранением женского рода и меняет финаль на -я. Фонетическое оформление слова остается близким к латинскому, сохраняется звуко сочетание [tʃi]: *positio* — *position* — *позиция*.

Займствования, произведенные от формы презентного причастия (латинское *-ens*, английское *-ent*, русское *-енн*), представлены пятью соответствиями типа *componens* — *component* — *компонент*.

При заимствовании глаголов в английский язык существуют разные модели (*deposit*, *compound*, *impose*, *postpone*). Наиболее интересна среди них модель с подменой корня (*impose* ← **im-pausare* вместо *imponere*), произошедшей ещё до заимствования в английский, во французском языке, из-за совпадения звучания корней. Не имея этимологической связи, производные от *pausare* начинают использоваться в значении соответствующих глаголов от *ponere*. Таким образом, английские лексем *compose*, *depose*, *impose*, *propose* (всего 7 лексем) в точности семантически соответствуют латинским глаголам *componere*, *deponere* и т. д., хотя и восходят формально к другому корню.

Частотность остальных выявленных моделей довольно низка и не превышает 4 лексем для каждой.

III. Анализ семантики латинских лексем и их заимствований позволил сделать следующие наблюдения:

Довольно редки случаи полного совпадения хотя бы одного ЛСВ слова — всего 4 ряда лексем. (*positio* — *position* — *позиция* ‘положение, расположение кого-либо или чего-либо’)

В 11 случаях значение совпало в двух заимствующих языках и отличается от значения первоначальной латинской лексемы (*componens* ‘сложивший, собравший, соединивший’ — *component*, *компонент* ‘составная часть чего-либо’).

В 5 случаях заимствование из хотя бы одного языка совпадает с семантикой заимствованного слова (*compono*, *компоновать* ‘складывать, собирать, соединять, составлять из частей целое’ — *compound* ‘усложнять, делать хуже; смешивать’).

В остальных 10 рядах лексем совпадений не наблюдается ни в одном из рассматриваемых языков.

Подводя итоги, можно заметить, что в английском языке латинские заимствования несут огромный след французского (например, конечное *n* существительных, специфичные формы глаголов). В русском же языке латинские заимствования более единообразны и не сохраняют ярких признаков языка-посредника. В сфере семантики полное соответствие встречается редко: в большинстве случаев в заимствующем языке происходит специализация, вплоть до узкоспециального термина.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент И. А. Реморов

Типовая структурная схема перемещения и ее реализации во французском языке

Д. Г. Мелехова

Новосибирский государственный университет

Наша работа посвящена изучению реализации типовой структурной схемы (далее ТСС) перемещения во французском языке в сопоставлении с русским. В плане содержания мы рассматриваем эту ТСС как вариант пропозиции движения, осложненной каузативным значением. Типовое значение — 'заставлять какой-либо объект перемещаться куда-либо по какой-либо трассе'. Цель нашей работы — классифицировать предложения французского языка, соответствующие ТСС перемещения, на основании структурных и семантических особенностей, а также, сопоставив структуру и семантику предложений с заданной структурной схемой во французском и русском языках, выявить их сходства и различия. Материалом исследования является французская художественная литература. При составлении структурной схемы предложений в художественной литературе французского языка, описывающего ситуацию перемещения, мы учитывали тот факт, что значения падежей здесь передаются аналитически, с помощью предлогов.

Общий вид структурной схемы для французского языка:

$$N^{Caus} V_f^{Mot} N^{Obj} Lex^{Dir-S} Lex^{Dir-F} Lex^{Tr} Lex^{Instr},$$

где N^{Caus} — каузатор — субъект, заставляющий объект двигаться (перемещаться); V_f^{Mot} — глагол движения; N^{Obj} — объектив — объект перемещения; Lex^{Dir-S} — директив-старт — лексема, обозначающая начальную точку движения; Lex^{Dir-F} — директив-финиш — лексема, обозначающая конечную точку движения; Lex^{Tr} — транзитив — траектория, по которой совершается движение (перемещение); Lex^{Instr} — инструмент — предмет, способствующий перемещению. В предложении могут реализоваться не все компоненты модели, что обусловлено семантикой глагола и речевой ситуацией, контекстом.

Основное различие описываемых нами конструкций в русском и французском языках — способ выражения падежных значений, которые в русском передаются аналитико-синтетическим способом (с помощью падежных флексий и предлогов), а во французском обозначаются с помощью предлогов, что приводит к формальному совпадению позиций инструмента и транзитива, директива-финиша и адресата. В частности, в позиции адресата при перемещении в физической сфере используется имя существительное с предлогом *à*, который выражает значение, соответствующее значению

русского дательного падежа: *Offrez un cadeau original à votre amie.* ^— *Подарите оригинальный подарок вашему другу.*

Позиция директива-финиша во французском языке также выражается именем существительным с предлогом *à* и стоит после объекта: *On peut pénétrer à Orsay comme dans un moulin.* — *Можно проникнуть в Орсе как в мельницу.*

Кроме того, если в русском языке позиция инструмента обозначается именем существительным в творительном падеже, а позиция трассы — именем существительным в дательном падеже с предлогом *à*, то во французском языке эти позиции формально совпадают: *Envoyez des gars par les escaliers du fond* — *Вы отправляете парней по нижней лестнице* (позиция транзитива). *Il aurait été plus simple que je vous envoie les contrats et le chèque à Londres par la poste...* — *Проще было послать вам по почте в Лондон контракты и чек...* (позиция инструмента).

Обычно во французском языке заполняется позиция инструмента, а позиция трассы оказывается незамещенной.

Для французского языка характерно замещение позиций прямого и косвенного дополнений местоимениями. Безударное личное местоимение, стоящее на месте объекта или адресата, во французском языке занимает место перед предикатом. Объектом является местоимение прямого дополнения, адресатом — косвенного дополнения. Таким образом, появляются варианты структурной схемы, которые выглядят следующим образом:

1) для местоимений в позиции прямого дополнения

$N^{Caus} \text{Pron}^{Obj} V^{Trans} \text{de Lex}^{Dir-S} \text{à Lex}^{Dir-F} \text{par Lex}^{Instr}$;

2) для местоимений в позиции косвенного дополнения

$N^{Caus} \text{Pron}^{Dir-F} V^{Trans} N^{Obj} \text{de Lex}^{Dir-S} \text{par Lex}^{Instr}$.

Une fois, il a sauté d'un avion sans parachute, et il a attendu qu'un autre parachutiste lui (косвенное дополнение, позиция адресата) *apporte un parachute* (прямое дополнение, позиция объекта) (Cristian Lause. L'ange gardien) — *Однажды он уже прыгнул с самолета без парашюта и теперь ждал, пока другие парашютисты принесут ему парашют* (Кристиан Лоз. Ангел-хранитель).

В русском языке местоимения занимают в предложении ту же позицию, что и существительные, а во французском языке выносятся в препозицию, в то время как существительные всегда занимают место после предиката.

Таким образом, семантика конструкций со значением перемещения в русском и французском языке совпадают, различия, обусловленные грамматическими особенностями французского языка (ограниченные возможности выражения падежных значений) наблюдаются в структуре: значения падежей передаются с помощью предлогов или косвенных и прямых местоимений.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Е. С. Кузнецова

Психолингвистическое исследование автостереотипа восприятия на примере образа государства

А. В. Оленева

Новосибирский государственный университет

Автостереотип — это самоидентификационный показатель, собственные представления этноса о самом себе. Существуют различные подходы к изучению автостереотипов, один из них — исследование ассоциативно-вербальной сети (АВС), полученной в эксперименте. АВС — динамическая смысловая структура, в которой отражается психически актуальное смыслообразование, характерное для идентификационных этнических процессов [1]. Представления этноса о государстве — одна из граней автостереотипа.

Наша работа посвящена изучению образа государства в ассоциативном аспекте, наша цель — выявить автостереотип носителей русского языка и культуры. Объектом исследования стали лексические репрезентанты образа *России, государства, страны* в ассоциативных базах русского языка, т. е. реакции (ассоциаты) на перечисленные стимулы, а предметом — смысловая структура обыденного языкового сознания носителей русского языка.

Материалом стали ассоциативно-вербальные данные последних десятилетий из Русского ассоциативного словаря Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасовой (РАС, данные 1988–1997 гг.); Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой (ЕВРАС, 2008–2013 гг.) и Русской региональной ассоциативной базы данных И. В. Шапошниковой и А. А. Романенко (СИБАС, 2008–2013 гг.). Выбор эмпирического материала обусловлен стремлением проследить динамику смысловой системы (с 1988 г. по 2013 г.).

В соответствии с поставленной целью, мы провели аксиологическую и семантическую разметку устойчивой части ассоциативных полей (АП) *государство, страна* и *Россия*. Мы сочли оправданным рассматривать данные АП в совокупности, поскольку 1) они составляют взаимообратимые ассоциативные пары, 2) указанные поля имеют ряд ассоциативных пересечений, 3) понятия *государство, страна* являются синонимичными между собой (что подтверждается словарями синонимов) и определяющими по отношению к *России*.

Учитывая особый характер языкового материала, мы опираемся на предложенный М. И. Грицко алгоритм профессиональной лингвистической разметки по аксиологическому критерию применительно к материалу ассоциативно-вербальных баз [2], классифицируя реакции на нейтральные, негативные, позитивные и амбивалентные.

Анализ показал, что основной массив ассоциатов устойчивой части АП *государство, страна, Россия* составляют нейтральные реакции. Процент позитивных реакций АП *Россия* с перестроечных времён увеличился: ср. в РАС 33,33% (23 реакции из 69) и 44,2% в ЕВРАС (198 из 448), 50% в СИБАС (199 из 398); негативных реакций нет. Другую картину наблюдаем в АП *государство* и *страна*, где сравнительно меньший процент позитивных реакций. В АП *государство* позитивные реакции составляют: в РАС 13,25%, в ЕВРАС 12,38% и в СИБАС 9,83%; есть негативные (РАС 6,21%, ЕВРАС 1,9%, СИБАС 3,76%). В АП *страна* в РАС 20,33%, в ЕВРАС 12,56%, в СИБАС 12,9% позитивных и 1,22%, 0% и 0,5% негативных реакций соответственно.

При проведении семантической разметки мы опирались на Русский семантический словарь Н. Ю. Шведовой, исследования психолингвистов, толковые словари и языковую интуицию. Мы выделили шесть семантических зон:

- 1) зона характеризации признаков, качеств и оценки *государства, страны*;
- 2) зона самоидентификации;
- 3) зона корреляции понятий *государство, страна* и их репрезентанты;
- 4) прецедентные феномены;
- 5) присущие государству структуры, субъекты (включая атрибуты, идеологемы);

- 6) географические ассоциации, не соотнесённые с конкретным топонимом.

Также мы вычислили статистику интенсивности семантических зон (в процентах от общего количества реакций в устойчивой зоне), на основе которых вывели психоглоссы.

Перспективой исследования мы видим изучение динамики изменения портрета русской языковой личности и применение полученных результатов в преподавании русского языка как иностранного и русского языка в школе, а также при проведении комплексных гуманитарных экспертиз.

1. Шапошникова И. В. Мотивационная база реформы образования и профессиональная идентификация русской языковой личности // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4. С. 124–145.

2. Грицко М.И. К вопросу о семантической разметке ассоциативных баз данных по оценочному признаку (на материале русской региональной ассоциативной базы данных СИБАС) // Сибирский филологический журнал. 2017. №3. С. 269–285.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. И. В. Шапошникова

**Лексема *фитнес* и новейшие квази-слова,
образованные на ее основе, в современном русском языке**

А. Д. Привалова
Новосибирский государственный университет

Наше исследование посвящено изучению механизмов освоения в современном русском языке нового спортивного заимствованного термина *фитнес* и лексических единиц (ЛЕ), которые образованы от этой производящей основы.

Обновление словарного состава языка, будучи одной из основных тенденций изменения лексической системы, обусловлено тем или иным вектором развития общества. На наш взгляд, среди наиболее показательных для определения современного состояния русского языка групп лексем можно выделить категорию слов, объединенных в своем значении наличием семы 'спорт'. В названной группе неологизмов особой степенью словообразовательной производности и частотой употребления отличается лексема *фитнес*.

Объектом нашего исследования является лексема *фитнес* и новейшие неологизмы в русской терминотехнике спорта, образованные на ее основе. Предмет исследования — деривационные, морфологические, лексико-семантические характеристики данных ЛЕ. Материал работы ограничен тематическим полем «спорт» и представляет собой 54 ЛЕ, собранные из 474 контекстов, относящихся к периоду конца XX в. и начала XXI в.

В процессе работы были собраны и проанализированы контексты с вхождением лексемы *фитнес* и ее дериватов. Первые факты употребления данной ЛЕ, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка, относятся к 1996–1997 гг., но в количественном отношении они составляют только 1,2 % от общего числа вхождений (6 употреблений). Дальнейшее исследование ожидаемо показало, что число употреблений указанной ЛЕ и ее дериватов стремительно растет и максимальная частота их употребления приходится на 2012–2017 гг.

Подобная тенденция прослеживается в том числе и на уровне многообразия представленных деривационных вариантов. Если в конце XX в. употребляется только лексема *фитнес* (в двух вариантах: *фитнес* и *фитнесс*), то в течение первых десяти-пятнадцати лет XXI в. количество квази-слов, образованных сложением по модели '*фитнес* + другое полнзначное слово' составляет уже 39 различных вариантов (*фитнес-центр*, *фитнес-программа*, *фитнес-тренд*, *фитнес-индустрия*, *фитнес-чай*, *фитнес-система*, *фитнес-аэробика* и др.). К этой группе сложных слов можно отнести и ряд новейших неологизмов (11 ЛЕ), собранных из источников разного типа

(спортивные новостные передачи, форумы спортивных интернет-сообществ и др.) и на данный момент не зафиксированных в толковых и терминологических словарях, например: *Главным правилом **фитнес-диеты** для похудения является дробное питание; А еще это хороший способ разнообразить свою **фитнес-жизнь** и придать тренировкам новый вкус, если вы занимаетесь давно и уже потеряли вдохновение и др.*

Лексема *фитнес* (англ. *fitness*) происходит от глагола *to fit* 'быть в хорошей форме'. В русском языке фитнес обозначает тренировочный процесс, направленный на общую физическую подготовленность человека. Отсутствие в семантике слова *фитнес* специализированных сем ('вид спорта', 'спортивный снаряд' и т. п.) позволяет данной ЛЕ активно вступать в отношения словообразовательной производности и служить производящей основой для создания окказиональных слов: *И все бы ничего, если бы тенденция к здоровому образу жизни не начала перерастать в **фитнес-фашизм**; Сохранить регулярность тренировок малышу поможет **фитнес-папа!***

Многообразие реалий, обозначенных исследуемыми ЛЕ, позволяет отнести анализируемые слова к разным тематическим подгруппам:

- система организационных мер, коммерческая структура: *фитнес-индустрия, фитнес-сфера, фитнес-ассоциация* (17 ЛЕ);
- спортивные товары, снаряды, инвентарь: *фитнес-зал, фитнес-браслет, фитнес-костюм* (11 ЛЕ);
- наименования спортсменов: *фитнес-тренер, фитнесистка, фитнес-модель* (9 ЛЕ);
- типы тренировочной программы: *фитнес-программа, фитнес-марафон* (7 ЛЕ);
- тип питания: *фитнес-диета, фитнес-меню, фитнес-чай* (6 ЛЕ);
- виды спорта: *фитнес, фитнес-йога, фитнес-аэробика* (4 ЛЕ).

Для этих ЛЕ характерна графическая вариативность, связанная как с раздельным или дефисным написанием, так и с количеством согласных букв С (*фитнес-центр, фитнес центр, фитнесс-центр* и *фитнесс центр*). Полагаем, что отсутствие единообразного написания свидетельствует о ненормированности и некодифицированности этих слов, использующихся разными группами населения.

Таким образом, заимствованная в последние два десятилетия лексема *фитнес* активно вступает в словообразовательные отношения; для группы «фитнес-терминов» характерна принадлежность к определенным тематическим блокам, а квази-слова с основой *фитнес* характеризуются графической и стилистической вариативностью.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Т. И. Белица

Функционально-стилистическая характеристика новейших заимствований сферы моды и дизайна в СРЯ

А. О. Тарасенко

Новосибирский государственный университет

Объектом нашего исследования являются заимствованные лексические элементы общим объемом 140 языковых единиц, относящиеся к сфере дизайна среды, одежды, интерьера, которые появились в русском языке с начала XXI в. Предмет исследования — функциональная характеристика языковых единиц. Источниками сбора материала для исследования послужили периодические издания модной тематики и интернет-ресурсы, посвященные моде; Национальный корпус русского языка (подкорпусы художественной и публицистической литературы с 2001 по 2018 гг.).

Исследуемая нами лексика демонстрирует, что большая часть обозначающих реалии моды и дизайна заимствований еще не закрепились в системе словаря русского языка. Определить функциональные особенности новейших заимствований путем анализа их словарных дефиниций и помет в нашем случае оказывается невозможным, поскольку большинство единиц не зафиксировано в словарях, поэтому основным методом определения функционального статуса исследуемых единиц стал социолингвистический опрос, отразивший актуальность исследуемой лексики в настоящее время.

Языковым материалом для исследования послужила группа, в которую вошли номинации из четырех ТГ («предметы одежды», «стиль интерьера», «стиль одежды», «творчество и рукоделие»). Всего в опросе было представлено 20 лексических единиц.

Для изучения функционального статуса новейших заимствований сферы моды и дизайна было опрошено 100 человек — 50 женщин и 50 мужчин возрастом от 9-ти до 63-х лет. Информантам было предложено сформулировать значение для заимствованного слова. По итогам опроса мы сформулировали следующие выводы.

1. Большинству (73 %) анкетированных в возрасте от 30 лет и старше незнакомы номинации разных моделей одежды, появившихся в языке в начале XXI в., а также стилей и направлений в дизайне интерьера и одежды. Однако анкетированные этой возрастной категории хорошо знакомы с техниками и материалами рукоделия (73 % определили значение слов *скрапбукинг*, *крафт-бумага*, *декупаж*).

2. Информанты возрастом от 14 и до 27 лет хорошо знакомы с моделями одежды: 82 % указанной лексики (*угги*, *леггинсы*, *свитшот*, *ботильоны*, *оксфорды*) было верно истолковано респондентами данной возрастной группой.

3. 2 % анкетиремых оказались не знакомы ни с одним новейшим заимствованием из предложенного списка (1 женщина и 1 мужчина).

4. 80 % аудитории дали точное определение для слов *хендмейд*, *лофт*, *стритстайл*, *лук (look)*, *поло*, *принт*. И только 8 % аудитории дали определение для слова *ципао* (традиционное китайское платье).

5. Хотя в рамках эксперимента сферы, которые обслуживают представленные лексемы, были ограничены (мода, дизайн и рукоделие), при толковании слов участники указывали и другие сферы, к которым принадлежат заимствования (например, *гранж* и *лаунж* часто как 'стиль в музыке', *стритстайл* как 'стиль в изобразительном искусстве').

6. Респонденты, которые отметили, что знают английский язык, в 67 % случаев дали верное определение для заимствованного слова. И наоборот, респонденты, не владеющие ни одним иностранным языком или владеющие им на элементарном и базовом уровне, дали меньшее количество определений для предложенных лексем, а также чаще давали неверные толкования заимствованных слов.

Так, особое место в эксперименте занимают те заимствованные единицы, которые были неверно истолкованы участниками опроса. По предъявленным правилам анкетирования в случае, если респондентам было не знакомо слово, в графе необходимо было поставить знак «-». Однако в нашем случае анкетиремые не отметили слова как малоизвестные / неизвестные и попытались сформулировать значение слова. По результатам эксперимента в эту группу попали 47 % слов (*лоферы*, *оксфорды*, *декупаж*, *оверсайз*, *ботильоны*, *свитшот*, *скрапбукинг*, *гранж* — 8 ЛЕ).

Все представленные выше слова оказались для большинства информантов знакомыми (участники эксперимента не поставили в графе слова знак «-» и дали лексеме толкование), но лишенными точного определения. Такое явление может быть связано с тем, что исследуемые ЛЕ были заимствованы в русский язык совсем недавно и еще не успели закрепить за своей графической / звуковой формой конкретного значения. Так, в связи с частым функционированием указанных ЛЕ в СМИ и в речи носителей языка эти единицы закрепляются в их лексиконе, приобретая статус недостаточно известных или неизвестных слов.

Таким образом, результаты эксперимента демонстрируют, что исследуемая заимствованная лексика делится на несколько групп с точки зрения активного / пассивного словарного запаса русского языка. Большинство новейших заимствований сферы моды и дизайна известны носителям языка и являются общеупотребительными (12 ЛЕ, 53 %), меньшую часть составляют малознакомые ЛЕ, обслуживающие узкоспециальные сферы моды, дизайна и рукоделия и, следовательно, относятся к пассивному словарю русского языка (8 ЛЕ, 47 %).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Т. И. Белица

Суффиксальное образование родовых коррелятов в современном русском языке: оценка продуктивности и регулярности

А. А. Тимофеева

Новосибирский государственный университет

Большая часть номинаций лиц мужского и женского пола — это суффиксальные дериваты.

Наше исследование посвящено описанию продуктивных и непродуктивных суффиксов, которые используются для образования родовых коррелятов в сфере агентивных существительных.

Для исследования из «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка [1977] методом сплошной выборки были выписаны агентивные существительные мужского и общего рода с суффиксами *-ак-*, *-арь-*, *-ёр-*, *-ник-*, *-тель-* (**623 ЛЕ**). Затем были выявлены словообразовательные дериваты женского рода — **395 ЛЕ** (*учитель* → *учительница*, *паникёр* → *паникёрша*, *дикарь* → *дикарка*), которые образованы с помощью суффиксов «женскости»: *ис-*, *-иц-*, *-к-*, *-ниц-*, *-ш-*. Некоторые мужские имена не имеют родовых коррелятов (*вожак*, *вратарь*, *лесник*), что обусловлено специфически «мужской» семантикой тех или иных личных имен существительных. Так, лексемы *маршруточник*, *латник*, *монтёр*, *мясник*, *взрыватель* являются наименованиями исключительно мужской деятельности, которая не свойственна женщинам. В некоторых случаях образование женской номинации невозможно, так как её место в словообразовательной цепочке $\{V \rightarrow N_m \rightarrow N_f\}$ уже «заполнено» существительным женского рода с другим, неличным, значением. Например, *грибник* (тот, кто собирает грибы) — *грибница* (корневище гриба), *рыбник* (специалист по рыбному промыслу) — *рыбница* (склад выловленной рыбы).

Для словообразовательных пар «мужское имя → женское имя» выполнен комплексный анализ: словообразовательный, морфемный, семантический, стилистический, акцентологический, а также выявлены показатели частотности (по данным НКРЯ). Представим результаты нашего исследования по некоторым заявленным аспектам.

Толковые словари, как правило, не дают дефиниций женским номинациям: их значение «выводимо» на основе мотивирующего мужского имени. Тематическая классификация, выполненная на материале мужских агентивных имен, актуальна и для женских коррелятов, которые распределяются по тем же ТГ.

1. **Деятельность:** профессиональная (*писатель*, *суфлёрша*), социальная (*узник*, *защитница*), государственная (*основатель*), военная (*полков-*

ник, лучница), спортивная (вратарь, лыжница), «досуговая» (ведьмак, картёжница).

2. **Внешние и внутренние** характеристики человека по разным признакам: поведению (*бабник, позёрша*), внешности (*толстяк, соплячка*), месту в социальной иерархии (*сожигатель, воспитанница*), «происхождению» или национальному признаку (*волгарь, полячка*).

Все суффиксы со значением ‘деятель’ при соединении с основной «осложняются» различными морфонологическими изменениями (*поляк* ← *Поль(ш)а* (усечение основы), *поляк* → *полячка* (чередование *к // ч*)).

Большинство анализируемых агентивных аффиксов являются стилистически нейтральными, только форманты *-ак-* и *-ш-* меняют стилистическую окраску слов (*хилак* (пренебр.), *дублёрша* (разг.)).

В акцентологическом аспекте суффиксы *-ак-*, *-тель-*, а также все суффиксы женскости характеризуются определёнными закономерностями постановки ударения. Например, при образовании лексем с суффиксом *-ак-* ударение регулярно перемещается на него (*меньшáк, вожáк, простáк*). При добавлении форманта *-ис-* ударение переходит с основы на суффикс (*акт'ёр* → *актр'иса, реда́ктор* → *редактр'иса* (устар.))

Агентивные существительные мужского рода выражают общее понятие о человеке, независимо от его пола. Именно поэтому одной из актуальных тенденций в грамматике является **тенденция к аналитизму**. Формы мужского рода используются по отношению к лицам женского пола: *Косметолог сказала мечтательно: — А давай сделаем тебе лифтинг!* [НКРЯ: 2013].

Противоположной тенденцией можно считать **увеличение количества женских коррелятов**, которые появляются благодаря освоению женщинами новых профессий (*каскадёрша, крановщица, трактористка*). Такие лексемы начинают фиксироваться только в конце XX века (в частности в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова [1998]).

Продуктивность и регулярность словообразовательной модели зависит от степени продуктивности формантов, которые в ней используются. С учетом всех аспектов анализа агентивных существительных, продуктивными являются суффиксы м. р. *-ник-* и *-тель-*, близкие по функции и семантике. Форманты *-ак-* и *-арь-* — непродуктивные. Суффиксы женскости *-иц-*, *-ниц-*, *-к-* в данных словообразовательных моделях можно считать продуктивными, в отличие от формантов *-ш-* и *-ис-*.

Предложенный подход существенно уточняет набор показателей, по которым можно определять «продуктивность / непродуктивность» аффиксов. Степень продуктивности словообразовательных моделей позволяет выявить основные тенденции в деривационной системе языка и прогнозировать состояние этой сферы на ближайшее будущее.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент О. М. Исаченко

Пассивные конструкции китайского и русского языков: ошибки перевода

Яо Сун

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена сопоставительному изучению функционирования пассивных конструкций в китайском и русском языках в аспекте перевода. В прошлом году на МНСК мы представили итоги изучения пассивных конструкций в текстах разных функциональных стилей, а теперь расскажем о второй части нашего исследования, в которой мы рассматриваем залоговое соответствие или несоответствие русских и китайских конструкций в практике перевода студентами, изучающими китайский или русский языки.

Исследование проводилось в 2016–2017 учебном году путём анкетирования студентов российских и китайских университетов, обучающихся на третьем курсе или старше. Всего было опрошено 180 человек, из них 165 человек эффективно ответили на все вопросы. Уровень знания русского и китайского языков в исследуемой группе студентов можно назвать средним: почти все анкетированные, кроме двух студентов, начали учить русский или китайский языки в университете с нуля.

Анкета состояла из двух частей: в первой части участникам предлагалось перевести девять предложений с русского языка на китайский, а во второй — перевести также девять предложений с китайского на русский. Во всех этих предложениях акцентирован семантический объект действия, тогда как конструкция используется разная — как пассивная, так и активная. Подбор предложений направлен на исследование сложных случаев пассивной конструкции, он включает проверку не только семантического и формального аспекта, но также и указанных нами в прошлом исследовании функций пассивных предложений — риторической, семантической и функции восприятия.

В анкетировании нет прямых вопросов о правилах пассивных конструкций и заданий на их составление, его цель — заставить студентов думать, какие предложения они бы применили в той или иной ситуации. Анкетирование длится 45 мин. без словаря, чтобы после него студенты могли обсудить выбранные ими конструкции вместе с одноклассниками.

Результаты анкетирования показывают, что русские студенты при переводе сохраняют залог активной конструкции в 84 % случаев, пассивной — в 75 % примеров; китайские студенты сохраняют залог конструкции реже — в 73 % и 67 % для активной и пассивной конструкций соответственно.

Собранные результаты показывают распространённые ошибки, допускаемые учащимися при переводе пассивных конструкций. Среди характерных

отклонений в грамматике, наблюдаемых на полученном материале, можно выделить следующие:

- при переводе с китайского на русский: трудности с выбором между страдательным причастием и возвратной формой глагола на *-ся*; употребление активного залога вместо пассивного для перевода предложений с «是...的»; ошибки в глагольном управлении при переводе конструкций со сказуемыми, пассивными по смыслу;

- при переводе с русского на китайский: расхождения при переводе неопределённо-личных и безличных предложений; сохранение пассивного залога в конструкциях с неодушевлённым объектом-подлежащим.

Кроме этого, встречаются также ошибки в стилистике, в прагматике, а также ошибки восприятия.

Проведённое анкетирование показало, что в процессе перевода многие студенты обращают внимание только на наличие или отсутствие пассивных маркеров (страдательное причастие / частица 被) и не учитывают другие аспекты текста, в частности, функциональный и коммуникативный.

Также можно увидеть, что точность перевода меняется в зависимости от стилистической принадлежности текста, от высокой к низкой: устная речь — официальные документы — публицистика — научные тексты — художественные тексты.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент И. А. Реморов

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

УДК 81' (574)

Особенности цветовосприятия в народном творчестве казахов и русских

М. Д. Абжапарова

Новосибирский государственный университет

Сравнительное изучение употребления названий цвета в разных языках — одна из традиционных тем лингвистики, к этой теме исследователи обращались, анализируя материал разных языков.

В этой работе представлен анализ употребления цветообозначений в тексте «Слова о полку Игореве» и казахских эпосах «Кыз Жибек», «Ер-Таргын», «Камбар батыр», «Кобланды батыр» для того, чтобы глубже понять особенности восприятия цвета у древних славян и предков казахов. В этих и других памятниках традиционного искусства и литературы заложена ценнейшая информация, которая является отражением тюркского и славянского мировоззрения.

Особенности уклада жизни, особое философское отношение древних казахов и русских к природе определили основные черты, которые на протяжении веков использовали символику цвета и сохранились в современном языковом сознании. Данные вышеперечисленных источников показали, что лексико-семантическая группа цветообозначений в казахском и русском языках в эпоху средневековья уже достаточно четко сформировалась. Цветообозначения этого периода в основном встречаются в названиях родов и племен, названиях животных и растений, астрономических названиях, названиях явлений природы, драгоценных камней и других ископаемых богатств, географических названиях, названиях предметов материальной культуры и быта, социально-политических терминах и др.

В древнетюркских и древнерусских рассматриваемых текстах использовались в основном ахроматические цвета (белый, черный и их смесь — серый).

Как в «Слове о полку Игореве», так и в казахских эпосах часто используются цветообозначения, которые условно можно разделить на:

– *постоянные*: красные девы, синее море, синий Дон, черный ворон, черная земля, серый волк, сизый орел, каленые стрелы, зеленая трава, светлое солнце, черленый щит, черленый стяг, черные тучи и др. (Слово...); золотые монеты, зеленый луг, алый тюльпан, серая масть, белая юрта, белый сокол, белый снег, черные волосы, серый гусь, рыжий конь, белое платье, желтая змея, медный кувшин, зеленый шатер, голубой купол;

– *украшающие*: терем златоверхий, струи серебристые, столпы багряные, злат стремень, златые шеломы и др.; жемчужный свет, золотая сбруя, золотая меч, золотые перья, красный наряд, золотое седло, золотой с медным верхом шлем, золотыми кольцами, золотым шитьем, расшитый серебром;

– *метафорические*: злато слово, жемчужная душа, кровавая заря, кровавая трава, серебряные берега, синие молнии, синее вино и др.; черная тоска, черная душа, черные дни, белый свет, красная заря, красное солнце, , бела как лебедь, изумрудная гладь, белопенные крылья, золоторогий месяц, серебристые озера, белая кость,.

Ахроматические и хроматические цвета и в «Слове о полку Игореве», и в четырех казахских эпосах связаны с природой, и с их помощью можно представить яркую, впечатляющую картину. Цветообозначения в этих текстах образно передают разнообразные чувства, сложные, иногда взаимоисключающие друг друга. Природа и в «Слове...» и в казахских эпосах живет нераздельной жизнью с героями, действует в сюжете, создает фон и пространство, показывает движение во времени.

Во всех анализируемых текстах наиболее часто используются ахроматические цвета, правда с разной частотностью. Если в «Слове...» эта частотность в порядке убывания выглядит как *черный — серый — белый*, то в четырех казахских эпосах «Кыз Жибек», «Ер-Таргын», «Камбар батыр», «Кобланды батыр» это выглядит как *белый — серый — черный*. Кроме ахроматических, в текстах употребляются другие цвета, хроматические, однако они как бы приглушены в своих оттенках, спрятаны в предметах и лицах. Исключением здесь является лишь золотой цвет, активно используемый в казахских эпосах. Тем не менее и древние славяне, и предки казахов отражали мир преимущественно в серо-бело-черных тонах.

Наблюдения употребления цветообозначений в анализируемых текстах казахского и русского языков позволили нам сделать вывод о том, что использование цветообозначений как в прямом значении, так и в составе метафорических описаний в казахском эпосе не столь разнообразно и масштабно, как в русском. Это можно объяснить тем, что некоторая сдержанность в употреблении цветообозначений не является результатом отсутствия или недостатка воображения, это связано в первую очередь с особенностями кочевого образа жизни («практичностью» бытового уклада). Все это определенным образом отражено в специфике языка, его своеобразной «закодированности».

Цветоконцепт в казахской и русской лингвокультурах выступает как ценностное и оценочное понятие. Как отражение менталитета нации он включает в себя все специфические особенности восприятия мира, выработанные этносом в течение тысячелетий.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Н. Широбокова

Об омертвелом аффиксе *-чax* в якутском языке

С. И. Адамова

Северо-Восточного федерального университета
им. М. К. Аммосова, г. Якутск.

Диминутивами (лат. *di-*, *deminutivus* «уменьшительный») называются существительные, имеющие специальный морфологический показатель, и семантический компонент которых заключается в том, чтобы обозначить меньший размер по сравнению с тем, который обычно свойственен объекту из данного класса.

В современном якутском языке уменьшительными аффиксами считаются *-чык*, *-каан*, *-чаан*, *-лыыр*, *-ка* [4]. Замечено, что данные аффиксы отличаются от тюркских языков. Например, в хакасском языке продуктивными уменьшительными считаются *-чax*, *-ac*, *-ax* [5, 25], а в алтайском языке — *-ак*, *-аш*, *-ычак* [1].

В Грамматике современного якутского литературного языка аффикс *-чax* относят к непродуктивным и омертвелым, также указывают, что, во-первых, данный аффикс встречается и в других тюркских языках, во-вторых, приведа примеры *туорчax* устар. 'верхушка женской шапки' (монг. *тобурчаб*), *иэрчэх* 'бедерный сустав, шарнир' (монг. *эгэрчэг*) С. Калужинский считал, что он по своему происхождению является монгольским [2].

На наш взгляд, аффикс *-чax* в древности в якутском языке использовался для выражения уменьшительности, но в силу каких-то обстоятельств перешел к непродуктивным аффиксам. Этим аффиксом передавалось значение малого объема, размера. Рассмотрим на примерах.

Пример 1. В словаре Э. К. Пекарского «Словарь якутского языка» слово *сiмiрчäх*, *сiмiччäх* (*сiмiр+чäх*) обозначает «небольшой кожаный мешок или сумка для хранения или временного держания кумыса и других жидкостей», «особенным родом выделанный из кобыльей кожи, бурдюк, плоский, призматический суживающийся сверху и оканчивающийся совсем узким горлышком: кожаная посуда, вроде большого мешка». Слово *сiмiрчäх* образовано от слова *сiмiр*, *сiмiр* [бур. *hiber* 'плоский деревянный бак, в который сливается молоко после удоя'], которое обозначает «кожаный мех (мешок) или кожаная сумка для кумыса и прочих жидкостей, вмещающая почти один анкер (2,7 ведра)», «к посуде этой при посредстве медного кольца пришит волосяной ремень, за который она подвешивается к столбу или к поперечине между двумя столбами». В старину его использовали для хранения и перевозки во время путешествия. Посредством аффикса *-чax* от *симиир* образован *симиирчэх*, который по размеру меньше, чем первый.

Пример 2. В словаре Э. К. Пекарского **солурчак, солуччак** (солур+чак) объясняется как «котелок, котлик», что выражает маленький сосуд для варки пищи. Слово **солурчак** образован от слова **солур**, который означает «котел, железный котел». В монгольском языке «ведро» выражается синонимами «хувин, хөнөг, суулга» [3]. Мы придерживаемся мнения, что «солуур» восходит от монгольского «суулга».

Таким образом, ныне продуктивный во многих тюркских языках аффикс уменьшительности *-чак* в якутском языке считается омертвелым аффиксом, и только семантический анализ слов с данным аффиксом указывает на ее изначальную роль.

1. Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.

2. Грамматика современного якутского литературного языка. Том 1. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.

3. *Дамдинсүрэн Ц., Лувсандэндэв А.* Русско-монгольский словарь. Улан-Батор: Госиздат. 840 с.

4. Саха билинни тыла. Морполуогуя. Дьокуускай: Бичик, 2009. 288 с.

5. *Тараканова И. М.* Диминутивы в хакасском языке. Абакан: Сервисный пункт, 2011. 116 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент А. К. Прокопьева

**Гендерная характеристики якутских женщин образными прилагательными якутского языка
(в сопоставлении и киргизским и бурятским языками)**

В. Ю. Андылырова

Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, г. Якутск

В якутском языкознании проблему изучения языка художественной литературы как проявления индивидуального стиля можно отнести к одной из самых малоисследованных проблем. Хотя следует признать, что якутские филологи не оставляют без внимания изучение языка художественной литературы в исследовании творчества отдельно взятых авторов: Н. С. Григорьев, П. А. Слепцов, М. А. Черосов, Н. Н. Неустроев, П. П. Барашков, И. П. Винокуров, В. И. Лиханов, Ю. И. Васильев и др. Из якутских литературоведов Н. З. Копырин, Н. Н. Тобуроков, Е. В. Федоров, В. Б. Огорокова и др. занимались анализом художественного мастерства якутских писателей.

Целью исследования является изучение использования образных прилагательных в поэтических произведениях А. Е. Кулаковского для описания якутской женщины в сопоставлении с киргизским и бурятским языками.

А. Е. Кулаковский — выдающийся якутский писатель, зачинатель, основоположник и основатель якутской литературы. Как отметила Л. Н. Романова, творчество А. Е. Кулаковского явилось важным этапом в становлении якутского литературного языка. Его поэтический язык отличается красочностью, образностью, которые присущи знатоку, освоившему законы и традиции народной языковой культуры [7, 7].

А. Е. Кулаковский создает реалистичный образ, где в его произведениях дается социальный портрет якутских женщин. Из всех частей речи в произведениях А. Е. Кулаковского для полного раскрытия образа якутской женщины преобладают имена прилагательные.

Каждый писатель стремится создать в своих произведениях тип женщины, в котором бы выразились его представления об идеальной героине. В произведениях А. Е. Кулаковского в портретах якутских женщины вырисовывается исторически сложившееся представление о роли женщины в обществе.

С. Д. Егинова в своей работе “Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками)” образные прилагательные делит на 7 лексико-семантических подгрупп: 1) внешний вид

и части тела человека; 2) внешний вид животных; 3) деревья и кустарники; 4) посуда; 5) одежда; 6) цветосветовые признаки; 7) обладание каким-либо качеством или свойством [3, 24].

В данной статье мы рассмотрим употребление образных прилагательных в описании женского портрета в произведениях А. Е. Кулаковского в сопоставлении с киргизским и бурятским языками.

Образные прилагательные, описывающие якутских женщин в произведениях А. Е. Кулаковского, мы подразделили на следующие подгруппы: 1) прилагательные, характеризующие внешний вид, телосложение и фигуру человека; 2) прилагательные, характеризующие грудь женщины; 3) прилагательные, характеризующие спину женщины; 4) прилагательные, характеризующие волосы женщины; 5) прилагательные, характеризующие живот женщины.

Прилагательные, характеризующие внешний вид, телосложение и фигуру человека

Кынабар быһыылаах Со стройной фигурой
("Портреты якутских женщин")

Прилагательное *кынабар* 'стройная, прямая, со вскинутой вверх головой (обычно о девушке, женщине)', образованное от глагольной основы *кынай* 'вскидывать голову вверх и вытягиваться, выпрямляться всем телом' и зафиксированное в "Большом толковом словаре якутского языка" [1, 140]. По семантике прилагательному *кынабар* соответствует *кынтабар* 'стройный, с высоко поднятой головой' (от кынтай) 1) 'быть стройным, с высоко, горделиво поднятой головой'; 2) перен. 'быть стройным, высоким, вытягиваться вверх (о растениях)' [1, 272]. Если в киргизском языке соответствующие параллели претерпели иной путь семантического развития (*кындый* 1) '(о коне) стать поджарым, вполне вытенированным (к скачкам)'; 2) перен. 'быть аккуратным, подобранным, приятным для глаза, красивым' [4, 491], то в бурятском языке глагол *хинсайха* 'быть задраным (или откинутым назад)' — о голове' [2, 572] семантически соответствует якутскому *кынтай* [3, 49].

Прилагательные, характеризующие грудь женщины

Тэрэгэр эмийдэнэн С широкой грудью,
Мэтэгэр бэйэлэннэ Выпячившись

В современном якутском языке *тэрэгэр* 'широкий, расширенный' образовано от *тэрэй* 'выдвигаться вперед, торчать' [9, 428]. Э. К. Пекарский *тэрэгэр* 1) 'широкий, свободный край с узким основанием' отметил в словосочетаниях: *тэрэгэр сүгэ* 'топор с широкой лопастью'; 2) 'развиленный расщепом' [6, 2641]. В бурятском языке имеются *жэрэгэр* 1) 'стоящие, торчащие в ряд; равномерно расположенные (или растущие); стройный'; 2) 'масса'; *дэрэгэр* 1) 'торчащий, оттопыренный'; 2) 'выпяченный (о груди)', полностью соответствующие якутскому *тэрэгэр* и *тэрэй* 'расширяться с одной оконечности (о каком-либо предмете, напр., о груди лежащей женщи-

ны) [2, 218, 238]. В киргизском языке *дерей* используется в ином, возможно, производном значении — “важничать, задирать нос”, так как понятие расширения, раскрытия, связанное с такой позой, как выпячивание груди, ассоциативно вызывает впечатление важничества, хвастливости [4, 193]. Образное значение связано с описанием формы предмета или частей тела человека, имеющих широкий свободный край с узким основанием (топор, уши, грудь), и восходит к значению “расширяться от основания широкой пластинкой (ушная раковина, широкий топор)” [8, 300].

В якутском языке прилагательное *мэтэгэр* означает ‘выступающий, выпяченный (напр., в груди)’ [1, 225]. Семантические признаки *мэтэгэр* (<мэтэй) проявляются в лексических соответствиях и из бурятского языка: *мэдэгдэхэ* 1) ‘становиться известным; обнаруживаться, выявляться’; 2) ‘ощущаться’ [2, 31]. Образное значение связано с описанием формы груди, корпуса предмета (дерева) и восходит к значению “выгибаться вперед, выставляя живот” [8, 293].

Прилагательные характеризующие спину женщины.

Кэдэгэр систэннэ

С выгнутой спиной

(“Улусная женщина”)

В якутском языке *кэдэгэр* ‘выгнутый (обычно о спине)’ [1, 222]. Как отмечено в работе Егиновой С. Д., лексические соответствия имеются и в бурятском языке: *гэдэгэр* 1) ‘с выпяченной грудью’; 2) перен. ‘с горделивой походкой, с высокомерным видом, напыщенный’; *гэдыхэ* 1) ‘выпячивать грудь, откидывать назад корпус’; 2) перен. ‘ломаться, пыжиться’ [БРС, 168]. В киргизском языке отмечены *кедей* I 1) ‘бедный; бедняк’; 2) южн. ‘нищий’; II (о человеке) ‘иметь вид очень маленького’ фонетически близкие к якутскому *кэдэй* [4, 365]. Образное значение связано с описанием формы спины и восходит к значению “выгибаться назад; выгибать, вдавливать спину” [8, 291].

Прилагательные, характеризующие волосы женщины

Арбаҕар астанна

Взьерошенные волосы,

Сэрбэҕэр сигирилэннэ

Вихрастое лицо

(“Улусная женщина”).

Арбаҕар ‘взьерошенный, растрепанный, всклоченный (о волосах)’ [1, 230]. Прилагательные бурятского языка *арбагар* 1) ‘растопыренный; косматый, лохматый; хворост, дерево’; 2) ‘пушистый (о снеге)’ и киргизского *арбагай* ‘растопыра’ соответствуют якутскому *арбаҕар* [3, 66].

Сэрбэҕэр ‘1) кудрявый, вихрастый (обычно о маленьких детях); 2) торчащий из-под земли (о растениях)’ [9, 368]. В бурятском языке имеется *шүрбэгэр* 1) ‘длинный и жидкий (о бороде)’; 2) ‘поджарый (о телосложении)’ [2, 738]. В киргизском языке *сербегей* ‘торчащий’, например *чачы сербегей* ‘у него волосы растрепаны, торчат (напр. у ребенка)’. Таким образом, как бурятское прилагательное *шүрбэгэр*, так и киргизское *сербегей* соответствуют якутскому *сэрбэҕэр*.

Прилагательные, характеризующие живот женщины

Мотоџор оһоџостонон

С выпуклым животом

(“Песня столетней старухи”)

По данным словаря Э. К. Пекарского, *мотоџор* ‘выпуклый’ ранее употреблялось по отношению к форме живота человека: *мотоџор истээх* ‘брюхастый’. В современном якутском языке семантика данного прилагательного и его корня претерпели изменения: *мотоџор* ‘полноватый, кругленький, с выпуклой грудью’ (<*мотой* ‘быть, казаться полноватым, округлым, с выпуклой грудью’) [1, 299]. В киргизском языке *боттой* ‘слегка вздуться, слегка припухать, выделяться в виде небольшой шишечки, опухоли’ [4, 153].

Таким образом, рассмотрев использование образных прилагательных при описании якутских женщин мы можем констатировать, что образные прилагательные в произведениях А. Е. Кулаковского, в основном, описывают ее фигуру, грудь, спину, волосы, живот. Тем самым придают экспрессию и эмоциональность для полного раскрытия образа. При сопоставительном анализе образных прилагательных якутского языка с киргизским и бурятским нами выявлено следующее:

1. Уточнена этимология образных прилагательных якутского языка с указанием лексических соответствий из бурятского языка. Например: *ар-баџар* ‘взъерошенный, растрепанный, всклокоченный (о волосах)’ (<бур. *ар-багар* 1) ‘растопыренный; косматый, лохматый; хворост, дерево’; 2) ‘пушистый (о снеге)’.

2. В киргизском языке якутскому отглагольному аффиксу *-гар (-џар)* соответствует *-гай*: як. *сэрбэџэр* ‘1) кудрявый, вихрастый (обычно о маленьких детях); 2) торчащий из-под земли (о растениях)’; кирг. *сербегей* ‘торчащий’, например чачы сербегей ‘у него волосы растрепаны, торчат (напр. у ребенка)’.

3. Некоторые прилагательные, имеющие лексические параллели в бурятском и киргизском языках, полностью схожи по семантической структуре и фонемно-графическому облику: як. *кэдэгэр* ‘выгнутый (обычно о спине)’; бур. *гэдэгэр* 1) ‘с выпяченной грудью’; 2) перен. ‘с горделивой походкой, с высокомерным видом, напыщенный’; кирг. *кедей* I 1) ‘бедный; бедняк’; 2) южн. ‘нищий’; II (о человеке) ‘иметь вид очень маленького’ фонетически близкие к якутскому *кэдэй*.

4. Некоторые прилагательные, имеющие лексические параллели в киргизском языке, только частично схожи по семантической структуре, но полностью совпадают по фо немно-графическому облику: як. *тэрэгэр* ‘широкий, расширенный’ образовано от тэрэй ‘выдвигаться вперед, торчать’; кирг. *дерей* используется в ином, возможно, производном значении — “важничать, задирает нос”, так как понятие расширения, раскрытия, связанное с такой позой, как выпячивание груди, ассоциативно вызывает впечатление важничества, хвастливости [КРС, с. 193].

-
1. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 1–2, т. 5–7.
 2. Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: СЭ, 1973. 804 с.
 3. *Егинова С. Д.* Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). Новосибирск: Наука, 2014. 232 с.
 4. Киргизско-русский словарь / сост. К. К. Юдахин. М., 1965. 973 с.
 5. *Кулаковский А. Е.* Полное собрание сочинений: в 9 т. / А. Е. Кулаковский; сост. Л. Р. Кулаковская. Новосибирск: Наука, 2009. 631 с. (Т. 1: Поэтические произведения).
 6. *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка: В 3 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2008.
 7. *Романова Л. Н.* А. Е. Кулаковский и его современники. Особенности поэтического языка. Новосибирск: Наука, 2002. 120 с.
 8. *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1954. 312 с.
 9. Якутско-русский словарь / под ред. П. А. Слепцова. М.: СЭ, 1972. 608 с.

Фоноструктурные и интонационные особенности глаголов зрительного образа в якутских и киргизских языках

К. В. Аргунова

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, г. Якутск

В системе глагола всех тюркских языков имеются особые формы, выражающие характер протекания действия со стороны его длительности, краткости, совершенности и зрительного представления. По смысловому признаку основ образные глаголы в якутских и киргизских языках делят на три основные группы: 1) образные глаголы движения; 2) глаголы зрительного образа; 3) глаголы чувственного состояния [1, 2]. Образные слова и образные глаголы основываются на зрительных представлениях человека и обладают достаточно отвлеченной семантикой. Их значение понимается при объединении звукового комплекса и зрительного представления. По конкретному смысловому содержанию глаголы зрительного образа делятся на несколько подгрупп:

а) глаголы, характеризующие внешний вид, форму и структуру предмета: як. *dardaj* VCV-VCV ‘засохнуть торчком, нескладно (напр. о коже, натянутой на что-л.)’ // кирг. *dardaj* VCV-VCV ‘иметь вид громадного и толстого; сильно вспухнуть, вздуться; торчать (о чем-л. огромном)’; як. *dordoj* VCV-VCV ‘стоять торчком, топорщиться (о жесткой, грубой одежде)’ // кирг. *dordoj* VCV-VCV ‘иметь в виду вздувшегося, пухлого, толстого’;

б) глаголы, характеризующие телосложение и фигуру человека: як. *dogdoj* VCV-VCV ‘быть выше обыкновенного уровня’ // кирг. *dogdoj* VCV-VCV ‘иметь вид коренастого, крепыша’; як. *tappaj* VCV-VCV ‘быть чрезмерно коротким и широким (о фигуре)’ // кирг. *tappaj* VCV-VCV ‘быть толстым и неуклюжим’;

в) глаголы, характеризующие мимику и лицо человека: як. *alaj* C-VCV ‘глядеть непонимающе, с полуоткрытым ртом’ // кирг. *alaj* C-VCV ‘пугливо озираться’; як. *olaj* C-VCV ‘выставлять свое удлиненное лицо, выражающее тупое недоумение’ // кирг. *olaj* C-VCV ‘смотреть искоса, вытянув шею и широко открыв глаза (когда человек настороженно прислушивается); коситься, смотреть косо, сердито’.

В зависимости от того, какие гласные вошли в состав модели, слово получает соответствующее пространственное содержание. Например, модель VCV-VCV: як. *baltaj* ‘показаться крупным, широким’ // кирг. *baltaj* ‘быть толстым, неуклюжим’; як. *böltöj* ‘округло выпячиваться, выпучиваться или иметь сильно выпуклый вид’ // кирг. *böltöj* ‘слегка взду-

ваться, слегка припухать, выделяться в виде небольшой шишечки, опухоли’; як. *bültäj* ‘надуваться, вздуваться, опухать; выпирать, казаться слишком переполненным (об озере, речке и т. п.)’ // кирг. *bültij* ‘надуться, насузиться; вздуться, вспухнуть’.

Интонационная природа глаголов зрительного образа также выражает их семантическую особенность. По мелодическим характеристикам выявляются следующие модели: а) у глаголов, характеризующих внешний вид, форму и структуру, в якутском языке — среднеинтервальные (в пределах б.3–б.6), в киргизском языке — интервальные (в пределах ув.4–б.7); б) у глаголов, характеризующих телосложение и фигуру человека, в якутском языке — среднеинтервальные, в киргизском языке, наряду со среднеинтервальными, узкоинтервальные (в пределах м.2–ч.4); в) у глаголов, характеризующих мимику и лицо человека, и в якутском, и в киргизском языках — среднеинтервальные, также широкоинтервальные (в пределах б.6–ч.12). И в якутском, и в киргизском языках более значительные интервалы движений ЧОТ во всех трех подгруппах глаголов зрительного образа отмечаются в моделях на широкие задние гласные *a-a*, *o-o*, *ï-a*, *u-u*, менее значительные интервалы движения ЧОТ — в моделях на передние *ö-ö*, *ö-ü*, *ü-ä-ü*, *ä-e-ä-e*, *ä-ä* и *i-ä-e*.

Таким образом, в якутском и киргизском языках глаголы зрительного образа имеют схожую фоноструктуру, в лексико-семантическом плане незначительно различаются. Интонационная реализация структурных сегментов также показывает квантитативно-мелодическую и динамическую общность.

Статья выполнена при финансовой поддержке Госзадание-2016. Регистрационный номер 34.3377.2017/ПЧ.

1. Грамматика киргизского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Бишкек: Илим. 1987.

2. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л.: Изд-во ЯАССР, 1954. 312 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент И. Н. Сорова

**Образные имена прилагательные, описывающие масть лошади
в якутском языке в сопоставительном аспекте с тюркскими языками**

А. Е. Божедонова
Северо-Восточного федерального университета
им. М. К. Аммосова, г. Якутск

Работа посвящена исследованию фоноструктурных особенностей образных имён прилагательных, описывающих масти лошади в якутском языке в сравнительно-сопоставительном аспекте с тюркскими языками.

Актуальность обуславливается отсутствием в якутском языкознании сравнительных работ по изучению фоноструктурных особенностей образных имен прилагательных, описывающих масти лошади. Сравнительно-сопоставительное изучение имен прилагательных является одной из главных задач современной тюркологической науки. Проблема сравнительно-сопоставительного исследования имен прилагательных, обозначающих масти якутской лошади, частично был рассмотрен в работах Г. Г. Левина, Ю. И. Васильева, А. Г. Шайхулова, но специальное исследование по данной тематике не проводилось.

Из тюркских языков в качестве сравнительного материала привлечены: алтайский, хакасский, тувинский, киргизский языки. В якутском языке в ходе исследования было выявлено 164 имен прилагательных, описывающих масть лошади. Количество лексических параллелей в якутском языке и восточно-тюркских языках составило 146 единиц, в том числе в алтайском — 17 (12 %), в хакасском — 41 (28 %), в тувинском — 47 (32 %), в киргизском — 41 (28 %). Основы якутского языка, не имеющие параллелей в других языках, составили 18 имен прилагательных. Основы, не имеющиеся в якутском языке параллелей — 42, в том числе в алтайском — 1, хакасском — 17, тувинском — 22, киргизском — 13. Основы якутского языка, не имеющие параллелей в других языках, составили 18 имен прилагательных, а основы, не имеющиеся в якутском языке параллелей — 42, в том числе в алтайском — 1, хакасском — 17, тувинском — 22, киргизском — 13.

Из 146 якутских основ 39 (26 %) являются образными именами прилагательными. Образные имена прилагательные, описывающие масти лошади являются сложными моноксемными именами прилагательными со структурой **имя сущ. в им. падеже + имя прилагательное цвет**. Данные сложные моноксемные имена прилагательные образуются путем сложения двух компонентов, где один из компонентов имеет образную функцию, а другой — опорный компонент. Образные имена прилагательные, описывающие масти лошади в якутском языке выражаются именами существитель-

ными, которые обозначают природные явления, животный мир, растительный мир, предметы бытового использования.

Из них лексических параллелей в якутском языке и других тюркских языках составило 4 (10 %) единиц, в том числе в хакасском — 3 (75 %), в тувинском — 1 (25 %), в алтайском и киргизском языках не наблюдаются. Например, **уоһах кугас** ‘красновато-желтый’ [ТСЯЯ, Т. IV, 2010 : 427] // хак. **саңмыл сарыҕ** ‘красно-желтый’ [ХРС, 2006 : 450]; **кугас** ‘рыжий’ + **уоһах** ‘желток’: **уоһах кугас** ‘красновато-желтый’. Красноватый, с желтым отливом оттенок шерсти; близок к светло-рыжим лошадям; Красноватый, с желтым отливом оттенок шерсти; близок к светло-рыжим лошадям; **хаан тураҕас** ‘гнедой цвета крови’ [ТСЯЯ, Т. 3; 2009: 2839] // хак. хаан позырах ‘гнедой цвета крови’ [ХРС, 2006 : 157], тув. **кызыл-доруг** ‘красно-гнедая’ [ТРС, 2001 : 22]. Красно-коричневый, иногда почти красно-рыжий оттенок шерсти, с отливом цвета крови. На ногах примесь бурых волос. **тураҕас** ‘гнедой’ + **хаан** ‘кровь’: **хаан тураҕас** ‘гнедой цвета крови’. Образные имена прилагательные, описывающие масти лошади в исследуемых языках так же, как и в якутском языке являются моноксемными именами прилагательными.

90 % якутских единиц не имеют параллелей в исследуемых тюркских языках. Например, **куба араҕас** ‘с красноватым хвостом, гривой, крупом и спиной, со-светло желтой грудью и «в чулках» такого же цвета’ [ТСЯЯ, Т. I, 2008 : 520] **араҕас** ‘соловый’ + **куба** ‘лебедь’+: **куба араҕас**; **туой күрэн** ‘гнедо-бурый’ [ТСЯЯ, Т. III, 2009 : 1327]. Бурая с ярко-коричневым цветом по телу, грива и хвост черные. **күрэн** ‘бурый’ + **туой** ‘глина’: **туой күрэн**; **саһыл кэрэ** ‘светло-рыжий’ [ТСЯЯ; Т.V, 2010 : 549]. На туловище и на голове и на верхней части конечностей — смесь коричневых и белых волос; низ конечностей грива и хвост — черно-белые или с примесью бурого волоса. **кэрэ** ‘бледно-желтый’ + **саһыл** ‘лиса’: **саһыл кэрэ** ‘светло-рыжий’; **муус маңан** ‘ледовато-белый’. Серая масть с синеватым оттенком [«ТСЯЯ», Т.II, 2008 : 1523]. **маңан** ‘белый’ + **муус** ‘лёд’: **муус маңан** ‘ледовато-белый’; **куба маңан** ‘выделяющийся своей нарядной белизной’ [ТСЯЯ, Т. IV, 2010: 414]. маңан ‘белый’ + куба ‘лебедь’: **куба маңан** ‘выделяющийся своей нарядной белизной’.

Статья выполнена при финансовой поддержке Госзадание-2016. Регистрационный номер 34.3377.2017/ПЧ.

Научный руководитель — канд. фил. наук Н. В. Малышева

Номинации мифических персонажей в фольклоре народа саха

А. Ю. Булдакова
Северо-Восточного федерального университет
им. М. К. Аммосова, г. Якутск

Народ саха прошел в своем развитии стадию язычества, основной идеей которого является очеловечивание природы, живой и неживой. Якуты верили: любой предмет, явление природы, сам человек обладают духом-хозяином («иччи»). Почитание этих духов осуществлялось через кормление молочными продуктами и произнесение *алгысов* (благословлений). Так, самым почитаемым иччи был дух-хозяин огня, которому преподносили дары при каждом выдающемся случае в жизни.

Другими мифическими существами в традиционной культуре народа саха являются злые духи — *абааһы*, которые являются жителями трех миров: верхнего, среднего и нижнего. В мифологическом словаре Мелетинского Е. М. говорится, что *абааһы* (от «аба» — «зло») среднего мира причиняют незначительный вред, чем божества нижнего. Вместе с ними в среднем мире обитает так называемый *юер*, «злой дух, в которого превратился после смерти грешный человек или шаман; он причинял будто большой вред своим близким родственникам» [2].

Свое представление о них народ саха выражал через Слово, именно в материалах фольклора мы находим описание как внешнего вида, так и внутренних качеств мифических существ. Например, олицетворение через образ *абааһы* «дьявола» отрицательных черт характера человека: тщеславия, коварства, глупости, лживости, жадности и других.

Из паремиологического материала якутского языка (Емельянов Н. В. Сборник якутских пословиц и поговорок) нами выделено 32 единицы, включающие в себя номинации мифических существ. Прежде всего это названия *иччи* «дух-хозяин», *юер* «злой дух» и *абааһы* «черт». Собранный материал систематизирован, выделено 4 тематические группы: «Слово», «Духи природы», «Критические ситуации в жизни человека», «Отрицательные черты характера человека». Все поговорки и пословицы переведены дословно составителями словаря и содержат в своем значении отрицательные оттенки.

Группа «Слово» представлена пословицами и поговорками, в составе которых есть номинации жанров якутской лирики: *ырыа* «песня», *хоһоон* «стих», *угэ* «басня», *алгыс*. По семантическим и функциональным особенностям Слова в данной группе выделяются две подгруппы: «Доброе слово» и «Сила Слова». Доброе, хорошее, светлое Слово противопоставлено мрачному, темному, что представлено образом Черта. *Алгыска оннооһор абааһы ах-*

сыыр означает, что человек должен делать добро не только своими поступками, но и словом. Слово ассоциирует с *алгысом*, который означает пожелание добра, блага. Близким по значению выступает и второй пример: *Үтүө ырыаһыты кытары абааһы кытта ыллаһар* — «с хорошим певцом и злой дух состязается в пении». Издревле якутский народ верил в то, что хороший голос — это дар природы и что пение имеет такую магическую силу, что с поощим даже соревнуются нечистые силы.

В якутском фольклоре много посвящено силе Слова, которое способно поразить любого. Любой человек (слабый, угрюмый, подавленный и т. д.) понимает эту силу, уважает и может использовать его, но должен быть осторожен. Словом, по поверьям наших предков, обладают и человек, и даже *иччи* «дух-хозяин», будь это дух хлева или чулана. В эту подгруппу включили такие пословицы, как *киһи тыла иччилээх* — «человеческое слово имеет своего духа-хозяина», *үгэх иччитэ эмиз үгэлээх* — «и дух-хозяйка чулана говорит притчей» и Хотон иччитигэр дылы хоһоонноох — «тоже прибаутица, подобно духу-хозяйке хлева». Отметим тот факт, что две последние схожи не только по своей синтаксической структуре, но и с фонетической точки зрения имеют созвучия: *үгэх* — *үгэ* и *хотон* — *хосоон*. Народ саха придавал большое значение не только содержанию произносимого слова, но и звучанию, мелодичности и красоте слова.

В группе «Духи природы» народная мудрость представила всех основных *иччи*, обитающих в срединном мире, по якутским поверьям эти духи способны на добрые дела, могут охранять людей: *Оболоох ылатан оннобор уот иччитэ үөрэр* — «В семье с детьми даже радуется дух-хозяин огня». В якутском фольклоре есть примеры в порыве гнева сравнения человека с чертом, бесом. На наш взгляд, народ Саха, который жил с давних времен без больших войн и вражды, ссору, горе, беду воспринимал как явления, возникающие при появлении *абааһы* из нижнего мира, что встречается в эпосе олонхо. Именно поэтому мы отдельно выделили группу «Критические ситуации в жизни человека (ссора, горе, беда)» и нашли такие примеры: *Миигин эйигинньик да абааһы сиэ суоҕа* «Меня не сожрет и черт, похожий на тебя», *Ынчыктаатар эрэ, абааһы арахпат* «Только застони, черт не отойдет», *Атах аһыттан Абааһы (алдьархай) тахсар* «Из-под ног выходит черт (беда)».

Номинации мифических существ дифференцированы: преобладают отрицательные персонажи (*абааһы*, прежде всего), через негативное характеризуются актуальные черты и свойства. Фольклорный материал демонстрирует яркое противопоставление темного начала светлому — Слову.

1. Емельянов Н. В. Сборник якутских пословиц и поговорок. Якутск: якутское книжное изд-во, 1965.

2. Мелетинский Е. М. Мифологический словарь. М: Сов. энциклопедия, 1990.

Фоно-семантическая характеристика названий отрезков времени и сезонов в якутском и турецком языках

И. Ю. Васильев

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, г. Якутск

Тезис посвящен фоно-структурной характеристике названий отрезков времени и сезонов в якутском и турецком языках. Рассматривается общее количество параллелей, производится сравнительный анализ фонетических и фонологических репрезентаций, анализируются устойчивость и измененные структурно-фонетических основ якутско-турецких параллелей.

Структура SVC

тур. **çay** 'время (дня, ночи); возраст, период жизни; эпоха, век, эра, время' [3, 163] // як. **saq** 'время' [1, 2133]; тур. **jaş** 'возраст, год' [3, 915] // як. **saas** 'год жизни, возраст, жизнь; год, лета от роду' [1, 2115]; тур. **sin** 'возраст; период жизни' [3, 778] // як. **siin** (самостоятельно не встречается): **ät-siin** 'тело'; **qaan-siin** 'кровь, румянец; кровообращение' [1, 2230]; тур. **jil** 'год' [3, 926] // як. **sil** 'год' [1, 2439]; тур. **dün** 'вчера' [3, 253], **tün** 'уст. вечер; ночь' [3, 875] // як. **tüün** 'ночь, ночью' [1, 2893]; тур. **jaz** 'лето, весна уст.' [3, 918] // як. **saas** 'весна, весною' [1, 2115-2116]; тур. **jaj** 'лето' [2, 74] // як. **saj** 'лето' [1, 2025]; тур. **güz** 'осень' [3, 370] // як. **küs** 'осень' [1, 1339]; тур. **kış** 'зима' [3, 544] // як. **kis** 'зима' [1, 1428].

С семантической стороны в сопоставляемых языках расширение значения фиксируется в формах: в тур. **çay** 'время (дня, ночи); возраст, период жизни; эпоха, век, эра, время' по отношению к як. **saq** 'время'; в як. **saas** 'год жизни, возраст, жизнь; год, лета от роду' по отношению к тур. **jaş** 'возраст, год'; в тур. **jaz** 'лето, весна' по отношению к як. **saas** 'весна, весною'.

Изменение семантики наблюдается в форме тур. **dün** 'вчера' // як. **tüün** 'ночь, ночью', однако близкое значение имеется в уст. тур. форме **tün** 'вечер; ночь'.

С фонетической стороны наблюдаются следующие вариации. Соответствия согласных в анлауте: [ç~s]: тур. **çay** ~ як. **saq**; [j~s]: тур. **jaş** ~ як. **saas**; тур. **jil** ~ як. **sil**; тур. **jaz** ~ як. **saas**; тур. **jaj** ~ як. **saj**; [d~t]: тур. **dün** ~ як. **tüün** [g~k]: тур. **güz** ~ як. **küs, күһүн**. Соответствия согласных в ауслауте: [γ~q]: тур. **çay** ~ як. **saq**; [š~s]: тур. **jaş** ~ як. **saas**; тур. **kış** 'зима' ~ як. **kis**; [z~s]: тур. **jaz** ~ як. **saas**; тур. **güz** ~ як. **küs**. Соответствия гласных: [a~aa]: тур. **jaş** ~ як. **saas**; [i~ii]: тур. **sin** ~ як. **siin**; [ü~üü]: тур. **dün, tün** ~ як. **tüün**.

Структура VCCV

тур. **ärtä** 'время, наступившее сразу после чего-либо' [3, 277] // як. **ärdä** 'раннее время; рано' [1, 295].

В данной форме наблюдается изменение семантики в значении тур. **ärtä** ‘время, наступившее сразу после чего-либо’ и як. **ärdä** ‘раннее время; рано’. С фонетической стороны тут отмечается единственное соответствие согласных в инлауте [t~d].

Структура CVCV

тур. **gäžä** ‘1) ночь, (поздний) вечер; 2) ночью, в ночное время; (поздним) вечером’ [3, 319] // як. **kiähä** ‘вечер, вечером, в вечеру’ [1, 1077].

В данной форме наблюдается расширение значения тур. **gäžä** по отношению к як. **kiähä**. С фонетической стороны наблюдаются следующие соответствия: соответствие согласных в анлауте: [g~k], соответствие согласных в инлауте: [ž~h], соответствие гласных [ä~iä].

Структура CVCVC

тур. **jarin** ‘1) завтрашний день; 2) завтра’ [3, 914] // як. **sarsin** ‘завтрашний или следующий день, завтра’ [1, 2108].

Здесь наблюдаются следующие фонетические изменения: соответствие согласных в анлауте [j~s], появление в якутской параллели [s] во втором слоге.

Структура CVCCVC

тур. **gündüz** ‘1) день; 2) днем, в дневное время’ [3, 367] // як. **künüs** ‘день, днем’ [1, 1303].

С фонетической стороны в данной корреспонденции наблюдаются такие вариации: соответствие согласного в анлауте: [g~k], соответствие согласного в аусллауте: [z~s], выпадение в якутской параллели [d] во втором слоге.

Фоносемантическая характеристика данных 13 лексических параллелей представляется следующим образом: из 9 рассмотренных типов наибольшее количество соответствий наблюдается в структуре CVC. По количеству входящих в эти структуры лексических единиц они образуют следующую убывающую последовательность: CVC — 9 (69,2%), VCCV, CVCV, CVCVC, CVCCVC — по 1 (по 7,69%).

1. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. СПб., Пг., Л., 1907–1930.

2. Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’. М.: Наука, 1989.

3. Türkçe-Rusça Sözlük. Moskova, 1977.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Г. Г. Филиппов

Парцелляция в драматическом произведении С. Ермолаева «Сосна, стоящая посредине аласа»

О. С. Данилова
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, г. Якутск

Парцелляция происходит от франц. слова (парцелляция — франц. *parcelle* — частица) — парцеллированная конструкция, представляющая собой намеренное расчленение связанного интонационно и на письме текста на несколько пунктуационно самостоятельных отрезков. Показателем разрыва является точка. Парцелляция является одним из приемов стилистического синтаксиса и одним из признаков, подчеркивающих индивидуальный стиль писателя. Парцеллированная конструкция состоит из 2 частей: базовая часть и парцеллят.

Как утверждает М. Н. Кожина, парцелляция является стилистическим приемом, когда единая синтаксическая структура расчленяется на предложения, «при котором она воплощается не в одной, а в несколько интонационно-смысловых речевых единицах, или фразах. Фраза, в которой реализуется структурно господствующая часть предложения, называется базовой (основной); фраза, в которой реализуется структурно зависимая часть предложения (отчленяемая часть), называется парцеллятом. Базовая часть и парцеллят образуют парцеллированную конструкцию» [2, 279].

В драматическом произведении С. Ермолаева — Сизн Өкөр «Сосна, стоящая посредине аласа» рассказывается об эмигрировавших людей из Якутии в Японию во время гражданской войны, их тоске по родине.

Язык драмы С. Ермолаева эмоционален, богат стилистическими приемами: много восклицательных и вопросительных предложений, градаций, инверсий, парцелляций. Но самым излюбленным способом выражения чувств автора является парцелляция. Надо заметить, что в данном драматическом произведении парцеллируются как простые, так и сложноподчиненные (СПП) и усложненные сложноподчиненные предложения (УСПП).

1. Простое предложение. В простых предложениях мы слышим в голосе главного героя, Силипа, грусть и волнение.

СИЛИП. *Ол биһиги тийэх көрсүһүүбүт этэ... Арыылаах таңаратын дьыэтигэр* [1, 292]. / ‘Эта была наша последняя встреча... **В церкви Арылаха**’ Здесь парцеллят уточняет, где происходило то самое действие. В этом действии герои противостояли своей идеологии, а также затеяли спор.

2. Сложноподчиненное предложение. Замечено, что в драме парцелируются причинные, изъяснительные, определительные, сравнительные, степени и целевые СПП.

Приведем пример из целевых СПП:

ЫЛДБАА (ылар). [Эн бэйэбэр эмиэ кутун]. (*Сурукнут дьоммутугар тийэйрин муһугар*) [1, 287]. [$S_1 - P_1$]. ($S_2 - P_2$), где зависимая предикативная единица P_2 выражена формулой — $T_{\text{ар+//омертв. родит. п. послелог муһугар}}$ ‘ради’. ‘ИЛБЯ (берет в руки стакан). [Ты тоже себе налей] (**За то, что наше письмо дошло до наших людей**)’. Здесь парцелированным СПП цели актуализируется надежда в то, что отправленное письмо дойдет до адресата.

В драме парцелированные СПП широко используются в кульминационных моментах, где герои показывают свои эмоции, внутренние чувства, волнения и надежду в будущее.

3. Усложненные сложноподчиненные предложения. Парцелированные УСПП в отличие от СПП передают чувства намного глубоко, проникновенно. Рассмотрим на примере из однородных условных УСПП:

СИЛИП (*ботукуруур*). [Аны мин эйигиттэн хаһан да арахсыам суоба...] (*Тух да буоллун*), (*хайа да идээн буоллун*), (*өлөрбүт да диэтиннэр...*) [1, 300] [$S_1 - P_1$]. ($S_2 - P_2$), ($S_3 - P_3$), ($S_4 - P_4$), где зависимые предикативные единицы P_2, P_3, P_4 выражены формулой $T_{\text{тын}}$. ‘[Я с тобой больше никогда не расстанусь...] (**Что бы ни случилось**), (**что бы никакая беда ни приключилась**), (**даже если скажут, что убьют меня...**)’. Парцеллят осложнен градацией, что эмоционально усиливает драму.

Таким образом, в драматическом произведении С. Ермолаева — Сизн Өкөр «Сосна, стоящая посредине аласа» парцелированные СПП довольно много используется в целях передачи накала эмоций и чувств героев. В УСПП парцелированные конструкции осложнены нарастающей градацией, что еще более усиливает, нагнетает эмоциональность парцелированных конструкций.

1. Ермолаев С. Е. Сизн Өкөр. Алаас ортотугар соботох бэс. М.: Издательство Айыына, 2000. 366 с.

2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., Флинта: Наука, 2003. 696 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук,
доцент кафедры якутского языка А. К. Прокопьева

Региональные особенности рекламного текста города Улан-Удэ (на материале наружной рекламы)

Б. Ж. Доржиев

Бурятский государственный университет

Примечательной чертой, представляющей рекламный облик г. Улан-Удэ, является использование в рекламных текстах регионализмов, под которыми понимаются отдельные лексические единицы местной разговорной речи [Торохова 2005, С. 4]. Эти слова добавляют особую фоновую информацию о русском языке нашего региона, отражающем более чем трехсотлетнее соседство русского и бурятского народов.

Большая часть регионализмов представлена словами, заимствованными русским языком из бурятского языка. Одной из основных причин проникновения бурятских слов является безальтернативность, заимствуются слова, распространенные в быту, например, *бууза* 'мясное блюдо', *шулэн* 'бульон', *архи* 'водка', *аршан* 'минеральная вода' и т. д. Для носителей русского языка не нашего региона такие слова являются экзотизмами. Для жителей же Бурятии это не экзотизмы, это регионализмы, активно функционирующие в русской речи, не требующие перевода. И рекламные тексты, в частности, тексты наружной рекламы тому подтверждение.

Изобилие рекламных объявлений типа «Провожу свадьбы, юбилеи, миланы» или же «Свадьбы, миланы, корпоративы» свидетельствует о том, что лексема *милан* занимает полноправное место в лексической системе регионального варианта русского языка Забайкалья. В языке-доноре, каковым в нашем случае является бурятский язык, *милан* (*милангууд*) употребляется в значении «день рождения, который справляют только один раз, когда ребенку исполнился год» [БРС 2006, С. 550]. Кстати, ранее это слово обозначало обряд *милангууд* — прием в члены родового коллектива нового человека.

В качестве иллюстрации приведем еще один пример. Во время празднования новогоднего праздника по лунному календарю — *Сагаалгана* — улицы города пестрят различными баннерами с новогодними поздравлениями без перевода «Сагаан һараар! Сагаалганар!», «С праздником Белого месяца!», «Шэнэ жэлээр!». В это же время наблюдаются и не совсем обычные рекламные сообщения. Например, сеть удобных магазинов «Титан» утверждает: «Белый старец рекомендует!». Такой текст понятен жителям нашего региона, так как роль хозяина новогодних празднований по лунному календарю вместо привычного всем Деда Мороза в нашей национальной республике играет *Сагаан Убгэн* или *Белый старец*. Лексема *Белый старец* является результатом калькирования слова *Сагаан убгэн*. Ранее этот образ

никак не был связан с празднованием *Сагаалгана*. *Сагаан үбгэн* `добрый старец — дух-покровитель; почитался во всех монголоязычных регионах как шаманистами, так и буддистами` [БРС 2008, С. 135] — хранитель жизни и долголетия, плодородия и благоденствия, мудрый покровитель людей и животных.

Итак, особенностью рекламных текстов нашего города являются регионализмы — слова, территориально очерченные, слова нашего региона. Регионализмы, встречающиеся в наружных рекламах, создают свой, особый колорит города и свидетельствуют о взаимовлиянии и взаимодействии языков, функционирующих в нашем регионе.

1. БРС, 2006 — Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 1: А-Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ : Респ. тип., 2006. 636 с.

2. БРС, 2008 — Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 2: О-Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006 . 708 с.

3. Торохова Е. А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии: Социолингвистический аспект. Автореф. дис. канд. филол. н. Ижевск, 2005.

Научный руководитель — д-р филол. наук, доцент Д. Ш. Харанутова

Сравнение функций лично-притяжательных аффиксов в ваховском диалекте хантыйского языка и в тундровом диалекте ненецкого языка

П. И. Ли

Новосибирский государственный университет

Цель данной работы — выявление функций лично-притяжательных аффиксов в именных посессивных конструкциях в тундровом диалекте ненецкого языка и в ваховском диалекте хантыйского языка и сравнение сфер их употребления. Материалы по ненецкому языку — корпус фольклорных текстов на основе «Ненецкого эпоса» Н. М. Терещенко. Примеры по ваховскому диалекту хантыйского языка — полевые материалы автора, собранные в с. Ларьяк, Корлики, Чехломей Нижневартовского района ХМАО — Югры в 2017 г. Методы работы с информантами: заполнение анкет для составления парадигмы лично-притяжательного склонения существительных; опрос для выявления различных функций лично-притяжательных аффиксов; запись связных текстов.

Лично-притяжательные аффиксы присоединяются к существительным и указывают на лицо и число обладателя и на число обладаемого. В ненецком языке лично-притяжательные аффиксы могут, кроме того, присоединяться к местоимениям-существительным, прилагательным, местоимениям-прилагательным, послелогам.

Прототипическая функция лично-притяжательных аффиксов — передача посессивных отношений между двумя именами, получающими семантические роли имени обладаемого и имени обладателя морфологическим способом.

Регулярно принимают лично-притяжательные аффиксы следующие группы имен существительных.

1) Термины родства и социальных отношений. При опросе, в спонтанных текстах на ваховском диалекте хантыйского языка, в фольклорных текстах на ненецком языке было выявлено, что их маркирование является обязательным;

2) Соматизмы. В ненецком языке соматизмы редко встречаются без маркирования; в хантыйском языке отмечена факультативность указания на принадлежность.

Имена существительные, обозначающие предметы быта, жилища, животных, принимают посессивный маркер только при наличии специального указания в стимуле на русском языке. В ненецких фольклорных текстах лично-притяжательное склонение существительных данных тематических групп является частотным и регулярным.

Для уральских языков описаны функции выражения непосессивных отношений у лично-притяжательных аффиксов, которые в научной литературе интерпретируются как функции выражения отношений определенности / неопределенности либо референции к описываемой ситуации. В диалектах хантыйского языка использование лично-притяжательных аффиксов в непосессивных функциях является частотным как в речи, так и в фольклорных текстах, однако опрос не позволил выявить данные функции в речи на ваховском диалекте, но собранных импровизированных фольклорных текстах они встречаются:

хант. вах. *Әүкил пәни қоләм пәүллә воруңнә вәлүәлт.*
 э́нки-л пә́ни пәү-ллэ́ вору́-нә вәл-үәлт
 мать-POSS.3Sg.Sg и.CONJ сын-POSS.3Sg.PI лес-LOC жить-PAST.3PI
 ‘Мать и трое сыновей в лесу жили.’

В ненецком языке нерегулярно маркируются имена пространств, отрезков времени, имена абстрактной семантики, имена собственные, местоимения-существительные:

ненецк. тундр. *Тикаринда һод” нумда хадума.* [Терещенко 1990: 60]
 тикари́нда һо́д” нум-да́ хадума́
 тогда́ тоже́ погода.NOM-POSS.3Sg.Sg начаться́ (о пурге).
 PRS.SUBJ.3Sg
 ‘Тогда поднялась пурга (букв.: погода-его пургой стала).’

Прилагательные и местоименные прилагательные в лично-притяжательной форме используются в усилительно-выделительной функции, так как дублируют аффикс имени обладаемого:

ненецк. тундр. *Хыйва” ява” ханедасялма.* [Терещенко 1990: 43]
 хый-ва” я-ва” ханеда-сялма
 окрестный-POSS.1Sg.Sg земля-POSS/1Sg.Sg добыча-NEG.PRS.
 SUBJ.3Sg
 ‘В ближних местах не стало добычи.’

В ненецком языке, по сравнению с хантыйским, состав частей речи, принимающих лично-притяжательные аффиксы, не ограничивается только именами существительными; список тематических групп имен существительных, требующих посессивного маркирования, также шире. Общими являются тематические группы имен, для которых маркирование лично-притяжательным аффиксом служит для передачи посессивных отношений.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарева

Этнокультурная модель семьи в системе терминов кровного родства английского и якутского языков

В. В. Мигалкина

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

Семья является важнейшей частью этнокультуры — совокупности традиционных ценностей, отношений и поведенческих особенностей, воплощенных в жизнедеятельности этноса [1]. Этнокультурная модель семьи есть та модель семьи, которая считается традиционной, в то же время позволяющей наблюдать за динамикой социальных изменений, которые находят отражение в семье.

В социологии семьи описываются разные виды семей. Соответственно, в каждом виде имеются различные роли, имеющие свои собственные терминологические обозначения. Термины родства (далее — ТР) есть естественная структура, которая воплощает в себе нормы семейного поведения и всегда определяется особенностями социальной организации общества носителей той или иной культуры и языка. Система терминов родства (далее — СТР) того или иного языка непосредственно отражают в себе этнокультурную модель семьи.

Очевидно, что ТР объединяются общностью содержания и имеют один общий семантический признак. Будучи естественной системой, они стали первым объектом компонентного анализа. Сочетание компонентного анализа и лингвокультурологической интерпретации терминов действующей СТР позволяет нам выявить те дифференциальные признаки, которые являются значимыми на данный этап развития семьи, тем самым позволяя сконструировать этнокультурную модель семьи.

Современная СТР английского языка состоит из 32 лексических единиц: *Father, Mother, Grandfather, Grandmother, Great-grandfather, Great-grandmother, Uncle, Aunt, Granduncle, Grandaunt, Brother, Sister, cousin, Second cousin, First cousin once removed, Second cousin once removed, Son, Daughter, Nephew, Niece, Grandson, Granddaughter, Grandnephew, Grandniece, Great-grandson, Great-granddaughter, Parent, Child, Parents, Children, Grandchild, Grandchildren*. Объединенные одним семантическим признаком «родство», они разделяются по дифференциальным признакам «пол», «степень родства» и «старшинство поколения».

В якутском языке в настоящее время утвердилась СТР из 24 единиц: *Аҕа, Ийэ, Эһэ, Эбэ, Хос-эһэ, Хос-эбэ, Убай, Абаҕа, Эдьий, Балта, Таай, Биһ, Ини, Аҕас, Балыс, Сурдьу, Сизн, Хос-сизн, Сизнчээр, Сизн-ини, Сизн-балыс, Оҕо, Уол, Кыыс*. Как и в СТР английского языка, в якутской присутствуют пара-

метры «старшинство поколения», «пол» и «степень родства». Также присутствуют признаки «старшинство внутри одного поколения», «пол ЭГО», «пол родственника, через которое устанавливается родство».

Вышеназванные дифференциальные признаки позволяют построить этнокультурную модель семьи. Наличие разного количества ТР, обозначающих мужчин и женщин в СТР якутского языка, может говорить о доминирующем положении мужчины и подчинении женщины. СТР английского языка же билинейна, что говорит о равноправии членов семьи. Дифференциальный признак «пол ЭГО», присутствующий в якутской СТР, наталкивает на мысль о неодинаковом отношении к потомкам разных полов. В английской СТР родственники по отцовской и материнской линии не различаются, в якутской же принято их разделять. В модели англоязычной семьи присутствует необходимость разделять прямых родственников от латеральных, что может быть объяснено отдаленными отношениями с родственниками, не являющимися прямыми, а в якутоязычной семье латеральные родственники имеют тот же статус, что и прямые — очевидно, имеются близкие отношения между членами всей семьи, а также имеется традиция многодетности, что так же может быть определено наличием признака «старшинство поколения»; в англоязычной же модели, в которой отсутствует такой признак — отсутствие необходимости различать старшинство внутри одного поколения, а значит и относительно меньшее количество потомков в семье.

Отношения к семье и ее ценностям меняются, как появляются и новые формы существования семьи и роли в ней [2]. СТР, как правило, регистрируют изменения в обществе только после того, как они становятся непосредственной частью этнокультуры, но также одновременно видоизменяются и с институтом семьи, позволяя нам наблюдать за социальными переменами.

1. *Афанасьева А. Б.* Совершенствование этнокультурного образования современных педагогов // Человек и образование. 2008. № 4. С. 34–38.

2. *Scott Jacqueline.* Family and Gender Roles: How Attitudes Are Changing. Valencia. 2006.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент К. И. Федорова

**Однокоренные названия, связанные с лошадью,
в монгольских и тюркских языках**

Э. Санждорж

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена сопоставлению некоторых однокоренных, связанных по происхождению названий лошади в тюркских и монгольских языках. На основе трудов предшественников, мы даем анализ пяти таких слов:

1. монг. письм. *ajiry-a* '1. жеребец; 2. в сочетании с названиями животных означает самец; 3. перен. сильный, могущественный, большой' [1] ~ др.тюр. *adyir* 'жеребец' [3];

2. монг. письм. *day-a* '1. двухгодовалый жеребенок; 2. двухгодовалый (*dayan torum* 'двухгодовалый верблюжонок'); 3. перен. маленький' [1], др. тюр. *taj* '1. жеребенок, 2. молодой конь' [3];

3. монг. письм. *ayta* '1. конь, рысак, скакун; 2. табун лошадей' [1], др. тюр. *at* 'лошадь, конь' [3];

4. монг. письм. *armaγ* ~ *aryamaγ* '1. почтительное название лошади, 2. сильная, нарядная, скаковая лошадь' [1], др. тюр. *azma* ~ *azman* 'кличка лошади' [3];

5. монг. письм. *külig* '1. аргамак, рысак, 2. богатырь' [1], др. тюр. *külig* 'славный, знаменитый' [3].

Рассмотрим слово 'жеребец':

Е. И. Убрятова считала это слово одним из древних причастий, образовано от не встречающегося в современных алтайских языках глагола *ai- < *ад- 'творить, создавать' [6]. А. М. Щербак, согласившись с этим мнением, данное слово рассматривал как тюркизм в монгольском языке [7]. Г. Дёрфер предполагал дотюрко-монгольский архетип *адігүә от глагола *ад- ~ ai- 'отделять' [2]. Э. В. Севортян возводит слово 'айгыр ~ адүйг ~ адуйг' к тюркскому глаголу *ай- ~ *ад- ~ *ad- ~ *аз- 'возбуждаться (похотью)', 'покрывать (о животных)' [4]. В туркменском языке это слово обозначает 'похотливый, сладострастный' [5], в этом значении, быть может, сохраняется первоначальное значение праалтайского языка. Мы согласны с Э. В. Севортяном, и по нашему мнению, первичным значением праалтайской формы от глагола *ад- ('возбуждаться (похотью)', 'покрывать (о животных)') является 'жеребец', а 'самец' переносным, и позднее ещё пренесено в значение 'сильный, могущественный, большой' на почве монгольского языка.

Праформа этого слова реконструирована по разному, например: И. В. Кормушином *aDyug (тюркская праформа) [5], А. М. Щербаком *адғірак (*адғір-ак) [7], Г. Дёрфером *adüigä [2] и др.

Мы думаем, что праформа данного слова — *ad-γīr-γa. Словообразовательный суффикс ‘*-γa’ встречается в однокоренных названиях животных в монгольском письменном языке чаще, чем в древнетюркском языке. Например: монг. письм. *teme-ge(n)* ~ др. тюр. *tebä ~ tevä ~ tevi* ‘верблюду’; монг. письм. *ing-ge(n)* ~ др. тюр. *iñän* ‘верблюдица’; монг. письм. *qura-γa(n)* ~ др. тюр. *qozī* ‘ягнёнок’; монг. письм. *ima-γa(n)* ~ др. тюр. *im-γa* ‘коза’ и др.

Видно, что из вышеприведенных примеров данный архаичный суффикс почти не встречается в древнетюркском языке, а устойчиво сохраняется в монгольском письменном языке. На основе такого статуса данного суффикса можно сказать, что в древнетюркском языке праалтайская форма ‘*adγīrγa’ осталась без суффикса ‘-γa’ (*adγīrγa > др. тюр. adγīr), а старо-монгольском языке сохранена форма с суффиксом. Далее, утрачена фонема ‘γ’ в основе слова под влиянием согласной фонемы ‘γ’ в структуре суффикса ‘-γa’ и гласный ‘ī’ стал ‘i’, а потом фонетически закономерно перед гласным ‘i’ ‘d’ стал ‘j’ (*adγīrγa > *adgīrγa > adīrγa > aǰīrγa). Поэтому мы считаем, что это слово не заимствовано из одного в другой язык, а восходит с праалтайской форме и изменено действием определённой фонетической закономерности в обоих языках.

Сопоставив эти слова, мы пришли к выводу, что однокоренные слова связанные с названием лошади в монгольских и тюркских языках не заимствованы друг из друга, а имеют происхождение из общеалтайской праязыковой формы.

1. Большой монгольский толковый словарь [МТ]. Ред. акад. Л. Болд. Уб.: 2008. Т. 5.
2. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Türkische elemente im Neupersischen. Weisbaden.: 1965.
3. Древнетюркский словарь [ДТС]. Л.: 1969. 677 с.
4. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: 1974. 767 с.
5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (Лексика) [СИГТЯ]. Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: 2001. 823 с.
6. Убратова Е. И. К этимологии слова АЙҒЫР ‘жеребец’ // Вопросы тюркологии: Сб. к 75-летию К. К. Юдахина. Ташкент.: 1965. С. 11–16.
7. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: 1961. С. 82–172.

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. Н. Широбокова

Ценностный слой концепта «эвенки» в ангарской лингвокультуре

Е. С. Смирнов

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края и Краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-14-24008.

Целью статьи является анализ ценностного слоя концепта «ЭВЕНКИ» в ангарской лингвокультуре, под которой понимается русская культура, отражённая в региональном языковом сознании и вербализованная в устных и письменных ангарских текстах [2, С. 190]. Источниками исследования служат материалы диалектологических экспедиций в районы Северного Приангарья, представленные в «Электронном текстовом корпусе лингвокультуры Северного Приангарья» [3], а также тексты из иллюстративной части «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой [1].

Выбор темы и объекта исследования обусловлен важностью русско-эвенкийских контактов в период хозяйственного освоения территории Северного Приангарья русскими, а также возможностью на этом материале проследить особенности ценностной картины мира сибиряков-ангарцев.

Важное место в региональной ценностной картине мира занимает лингвокультурный мегаконцепт «ЧУЖИЕ». В его структуру входят концепты «ССЫЛЬНЫЕ», «БЕГЛЫЕ», «ВЕРБОВАННЫЕ» и «ИНОРОДЦЫ». Последний из перечисленных концептов в устных рассказах ангарцев представлен концептом-этнонимом «ЭВЕНКИ». Именем концепта «ЭВЕНКИ» в ангарской лингвокультуре являются две номинации этого этноса: *эвЕнки* и *тунгУсы*, а также фонетические, акцентологические и словообразовательные варианты этих лексем: *авЕнки*; *тунгусЫ*, *тангУсы*.

Анализ устных рассказов жителей Северного Приангарья об эвенках (тунгусах) позволил выявить в ценностном слое концепта «ЭВЕНКИ» общую оценку (*хорошие*) и частные оценки: сенсорные, среди которых можно выделить психологические интеллектуальные (*умные*), и сублимированные, среди которых особое место занимают этические оценки (*дружелюбные, гостеприимные*).

Положительная оценка в устных рассказах об эвенках (тунгусах) эксплицируется словами разных частей речи: **оценочные прилагательные**: *Авенки оне так-то народ дружелюбий, гостеприимные <...>. Очень умные оне* [СГРСБС, Т. 15, С. 70–71]; *С малых лет он охотник хороший, авенк*

[СГРСБС, Т. 7, С. 439]; **оценочные наречия**: Инф.: *Тунгусы, они жили вот по Каменке, жили совсем недалеко, вот когда мама рыбачили, они доходили на лодке...* [Как вы с ними общались? — Собир.]. Инф.: *А замечательно* [3]; *А в Гаврильской, там же тунгусы больше жили. Она дружно жили в этой Гаврильской* [СГРСБС, Т. 10, С. 206]; **существительные-коннотативы**: *А тунгусы не были страшны следопыты. Вот если прошёл зверёк или зверь, он знат, где он уже находится* [СГРСБС, Т. 13, С. 291].

Ангарские нарративы, содержащие отрицательную оценку, отражают страхи русского коренного населения перед эвенкийскими шаманами:

— *Это, — гыт (шаман — Е. С.), — свой человек у вас взял, сходил, но он, — гыт, — её уже выбросил, вы его не достанете. В реку бросил пушину-то, чтобы уж... не знал, куда деться, а эти как вроде подкинул <...>.*

Семья, но он, — грит, — сын у него, и всё будет у него плохо, — вот он сказал. Только, — гыт, — зря ты приехал на своего-то человека ко мне <...>. С авенками опасно было связываться [СГРСБС, Т. 14, С. 107–108]; *Тангуса прогнал, но и всё. Тот чё-то сделал с ним, и у этого ружжо не стало стрелять на завтра, и собаки не стали лаять на белку — всё изуродовал* [СГРСБС, Т. 15, С. 406–407]; *И все эти, вот пятеро детей у ей: четыре дочери, один сын — пятеро. Ох, не дай Бог это тоже никому! <...>. Вот до семнадцати лет, гыт, доживут — отнимаются ноги. А это уже никак не вылечишь — на их направлено <...>. С тунгусам связываться нельзя. Испортить могли* [СГРСБС, Т. 16, С. 398–399].

Таким образом, анализ ценностного слоя концепта «ЭВЕНКИ» показал, что данный концепт занимает важное место в концептосфере ангарской лингвокультуры. В ценностном слое концепта «ЭВЕНКИ» зона положительной оценки выражается оценочными прилагательными и наречиями, а также существительными-коннотативами. Зона отрицательной оценки эксплицируется оценочными наречиями и глаголами с оценочным компонентом в семантике.

1. *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2011. Т. 7. 544 с.; 2012. Т. 10. 496 с.; 2014. Т. 13. 480 с.; 2014. Т. 14. 480 с.; 2014. Т. 15. 480 с.; 2014. Т. 16. 480 с. СГРСБС.

2. *Фельде О. В.* Ангарская лингвокультура в лексикографическом освещении // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 190–192.

3. Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home> (дата обращения: 09.01.2018).

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. О. В. Фельде

Количественные характеристики гласных в сургутском диалекте хантыйского языка

Т. В. Тимкин

Новосибирский государственный университет

В описаниях фонетической системы хантыйского языка вокализм обычно подразделяют на две подсистемы: первого слога и непервого слога. Для гласных первого слога описано противопоставление долгих и кратких фонем. В непервом слоге противопоставляются гласные полного образования, отождествляемые с фонемами первого слога, и специфическая для непервого слога редуцированная фонема /ə/. Такой взгляд на систему хантыйских гласных нашел экспериментальное подтверждение в работах Г. Г. Куркиной на материале казымского диалекта [1]. Представляется актуальным экспериментальное исследование количественных характеристик гласных также на материале сургутского диалекта, имеющего значительные отличия от казымского.

В нашей работе измерялись длительности гласных в базе, включающей 130 слов, трижды прочитанной четырьмя информантами. Использовалась компьютерная программа Praat. Для каждого звука рассчитывалась относительная длительность (ОД) по формуле

$$\text{ОД} = \frac{x \times n}{\text{ОДС}} \times 100\%,$$

где x — абсолютная длительность звука, мс; n — количество звуков в словоформе; ОДС — общая длительность словоформы, мс.

Наши наблюдения показывают значительное варьирование гласных по длительности. Звуки первого слога можно сгруппировать по близким количественным характеристикам и слоговой структуре словоформы в следующие типы.

1. Сверхдолгие (ОД 140–190 %). Реализуются в моносиллабах с согласными n [n], p [r], y [ŋ] в ауслауте; в бисиллабах с первым открытым слогом и редуцированным гласным во втором слоге (например, *ван* ‘короткий’, *мин* ‘мы’, *тајәх* ‘пустой’, *васәх* ‘утка’).

2. Долгие (ОД 120–150 %). Реализуются в моносиллабах с y [j], o [w] и глухими согласными в ауслауте; в бисиллабах с первым открытым слогом и гласным полного образования во втором слоге (*рақ* ‘мука’, *сив* ‘красота’, *типэк* ‘бумага’).

3. Полудолгие (ОД 90–120 %). Реализуются в словоформах различной слоговой структуры.

4. Краткие (ОД 60–90 %). Реализуются в закрытых слогах в моносиллабах и бисиллабах (*јүй* ‘гной’, *лүк* ‘глухарь’).

Гласные первой и второй степеней длительности находятся в отношении дополнительной дистрибуции и реализуют одну степень фонологической долготы. Существуют пары квазиомонимов, противопоставляемые долгими и краткими гласными (*қор* 'просека' — *қӧр* 'болото'), что свидетельствует о самостоятельном фонологическом статусе краткости. Полудолгие могут находиться в оппозиции как к собственно долгим (полудолгий в *сауки* 'небо' — краткий в *сайки* 'песок'; полудолгий в *күйәп* 'бубен' — долгий в *күйәп* 'мужской'). Однако дистрибутивный анализ показывает, что полудолгота не имеет фонологической самостоятельности, а является областью сближения сокращенных оттенков долгих фонем в первом закрытом слоге бисиллаб (*сауки*) и продленных оттенков кратких фонем в первом открытом слоге бисиллаб (*күйәп*).

В непервых слогах реализуются следующие степени фонетической длительности.

1. Полудолгие (ОД 80–120 %). Реализуются в открытых конечных слогах (*қури* 'корыто', *қәри* 'дикий').

2. Краткие (ОД 60–80 %). Реализуются в конечных закрытых и срединных слогах, кроме реализаций фонемы /ə/ (*һипәк* 'бумага', *вирис* 'ограждение у берега реки').

3. Сверхкраткие (ОД 40–60 %). Реализуются в конечных закрытых и срединных слогах на месте фонемы /ə/ (*һаяләм* 'язык', *һипәк* 'песец').

Таким образом, традиционная фонологическая модель получает следующее экспериментальное подтверждение. В первом слоге используются гласные двух степеней фонологической долготы. Средняя относительная длительность долгих фонем составляет 140 %, средняя относительная длительность кратких фонем составляет 90 %. В непервом слоге выделяется сверхкраткая (редуцированная) фонема, имеющая среднюю длительность 60 %. Гласные полного образования в непервом слоге не противопоставлены по долготе и имеют среднюю относительную длительность 90 %. По качественным признакам гласные полного образования непервого слога могут быть фонологически отождествлены с долгими гласными первого слога. Следовательно, долгие гласные в непервом слоге сокращаются в среднем в 1,55 раза. Эти числа близки к данным по казымскому диалекту (СОД долгих фонем 155 %, кратких фонем 110 %, редуцированной фонемы 67 %, сокращение фонем полного образования в непервом слоге в 1,4 раза [1]).

Обнаружены и требуют дальнейшего исследования позиционно обусловленные сверхдолгота и полудолгота в первом слоге.

1. Куркина Г. Г. Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

Наименования диких животных в центральном диалекте тувинского языка

О. Г. Чаш-оол

Тувинский государственный университет

В тувинском языкознании лексика охотничьего промысла, отражающая одну из областей хозяйственной деятельности местных жителей, не была объектом специального исследования. В тувинском языке охотничьей лексике посвящены работы отдельных авторов, в которых отражены разные стороны данного вопроса: С. И. Вайнштейн [1], В. К. Даржа [2], В. С. Салчак, Монгуш Б. Б. [5], Е. М. Куулар [3], Н. Д. Сувандии [6] и др.

В настоящей работе рассматриваются названия диких животных, которые используются в речи носителей центрального диалекта тувинского языка, как объект охоты. К объектам охоты относятся разнообразные дикие копытные животные, обитающие в лесной, таежной и лесостепной зоне центральных районов Тувы. Здесь еще уместно, что центральный диалект также не был объектом специального исследования, хотя он является базовым диалектом современного тувинского литературного языка.

По собранным нами в полевых условиях материалам выделяются следующие основные лексико-семантические группы промысловых животных:

1. *Улуг-аңнар* букв. ‘большие звери’, *чиңге аңнар* букв. ‘тонкие звери’, редко встречается название *сарыг аңнар* букв. ‘желтые звери’, т. е. желтые по окрасу звери. Все эти наименования в речи охотников являются эвфемизмами [4].

Для различения крупных зверей именуют словами *сыын* ‘самец марала’, *мыйгак* ‘самка марала’, *сыынак* ‘молодой марал’, *шугже* ‘взрослый марал’, *мыйгак оглу* лит. *бызаа* ‘детеныш марала и лосихи’, *орге-мыыс / тош* — годовалый мараленок, *сарадак* — маралуха на четвертом году, *буур* ‘лось-самец’, *булан* ‘самка лося, лосиха’, *дас* ‘лось’ — детеныш лосихи на втором году.

К крупным зверям относят также хищных зверей: *адыг / ыйгы* ‘медведь’, *чарынды* ‘годовалый медвежонок’, *ала-мойнак* — медвежонок на втором году, используются в речи местного населения его эвфемистические наименования — *маржаалай / маржаалай*, *тайга ээзи* букв. ‘хозяин тайги’, *кара чүве* букв. ‘черное существо’, *чымчак базар* букв. ‘мягко ходит’, *чымчак-буттуг* букв. ‘мягкие лапы’, *кончуг-ашак* букв. ‘страшный мужик’; *бөрү / шона* (монг. *шон*) ‘волк’, эвфемизмы — *кокай* букв. ‘страшное (существо)’, *кызыл-карак* букв. ‘красный глаз’, *кудурук-мунар* ‘хвост + садиться’, *көк ыт* букв. ‘синяя собака’, *бора ыт* букв. ‘серая собака’. Вожака стаи волков называют *хартаачы* лит. *хардаачы* [3].

2. *Чиңге аңнар* — это мелкие по размеру звери, которые обитают в степных и лесных просторах республики. Собраны следующие наименования: *элик* ‘самка косули’, *сарындык* — косуля на втором году, *хулбус* ‘косуля’, *те* ‘дикий козел (самец)’, *чуңма* ‘козерог, горный дикий козел’, *эъзирик* ‘детеныш косули’, *тежик* ‘молодой козел’, *кызыл-чиңге* — козерог на втором году, *тооргу / тавырга* ‘кабарга’, *шыылай / каъксы* лит. *дырбактыг* ‘годовалый рысь’, *чыдыг-ала* лит. *кырза* ‘хорёк’, *дүңгүржектиг* лит. *чекпе* ‘росомаха’, *чыдыг-кызыл* лит. *күзен* ‘куница’, *аът-ас* букв. ‘лошадь + горноста́й’ лит. *эр ас* ‘горноста́й (самец)’, *хой-ас* букв. ‘овца + горноста́й’ лит. *кыс ас* ‘горноста́й (самка)’, *ораңгы* лит. *чээрэн* ‘антилопа джейран’.

В результате предварительного анализа фактического материала выяснилось, что большинство наименований диких животных центрального диалекта соответствует литературной норме. Немаловажное значение имеет наличие достаточного количества лексических, фонетических диалектизмов, которые отличаются от других говоров и диалектов тувинского языка.

Исследование охотничьей лексики в тувинском языкознании остается актуальной, требуется ее дальнейшее изучение.

1. *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы козового хозяйства. М.: Наука, 1972.

2. *Даржа В. К.* Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. С. 592.

3. *Куулар Е. М., Сувандии Н. Д.* Охотничье-рыболовная лексика западного диалекта тувинского языка. Научные труды ТувГУ. Вып. IX. Кызыл: РИО ТувГУ, 2011. С. 138–140.

4. *Куулар Е. М., Сувандии Н. Д.* Охотничье-рыболовная лексика в тоджинском диалекте тувинского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XII региональной конференции. Уфа, 2012. С. 97–99.

5. *Салчак В. С., Монгуш Б. Б., Баярсайхан Б.* Тыва аңныыр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер. Кызыл, 2010. С. 80.

6. *Сувандии Н. Д.* Охотничья лексика в тоджинском диалекте тувинского языка // Новые исследования Тувы. 2013. № 7. С. 72–79.

Научный руководитель — канд. филол. наук., доцент Е. М. Куулар

Концепт ОГОНЬ/УОТ в русской и якутской лингвокультурах

М. Е. Яковлева

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, г. Якутск

Сопоставительное исследование различных языковых картин мира становится в настоящее время одной из насущных задач языкознания. Её решение возможно только через детальное рассмотрение базовых концептов, в целом составляющих единую концептосферу этноса.

Объектом данного исследования выступает концепт ОГОНЬ/УОТ, существующий в сознании русских и якутов, изучение которого обусловлено особой позицией концепта в сознании представителей разных лингвокультур.

Лексикографический аспект анализа концепта ОГОНЬ/УОТ продемонстрировал общие составляющие значения номинаций: 1) свечение и жар раскаленных газов на поверхности горящего предмета; 2) одна из основных стихий мироздания; 3) свет от осветительных приборов.

Значительное место в нашей работе занимает анализ материалов ассоциативного эксперимента. Мы сравнили русские и якутские реакции к слову-стимулу ОГОНЬ/УОТ. Общие: 1) реакции, которые собрали наибольшее количество ассоциаций, в двух языках одинаковы: *төлөн — пламя, итии — горячо, сылаас — тепло* и т. д., 2) частотная реакция *печь — оһох* объясняется тем, что занимает особое место и в сознании русских, и в сознании якутов: данная реалья в доме являлась источником света и тепла, служила для приготовления пищи. Различия: 1) к якутскому стимулу УОТ можно найти специфичные только ему реакции: *Хатан Тэмизэрийэ, аал уот, уот-күөс* и другие. Хатан Тэмизэрийэ — хозяйин огня, дух (иччи) огня; его в мире якутской филологии почитают, 2) к русскому слову-стимулу ОГОНЬ обращены специфичные реакции, не свойственные якутскому материалу: вечный, кремешный, Прометей, дракон, пожарник и т. д. Слово сочетание «*вечный огонь*», наверное, знакомо каждому гражданину нашей страны. В качестве символа данное сочетание стало устойчивым в русском языке, и независимо от региона актуально в употреблении по всей нашей большой стране.

Паремиологический фонд в русском и якутском языках, а именно пословицы, поговорки и фразеологизмы, вызывает особый интерес в связи с исследованием содержания концепта ОГОНЬ/УОТ. Изучив материал пословиц и поговорок с точки зрения семантической, мы посчитали, что можно разделить их на 3 группы: 1) абсолютные эквиваленты, то есть пословицы, полностью совпадающие в обоих языках (пример: *Уоту арыынан умуруорбут суоҕа* — Маслом огонь не заливают); 2) частичные эквиваленты, то

есть частично совпадающие (пример: *Кырдьык урдугэр сымыйа ыттыбат, арыы урдугэр уу дагдайбат* — Правда в огне не горит и в воде не тонет); 3) не имеющие эквивалентов (пример: *О5олоох ыалтан онноо5ор уот ич-читэ уорэр* — Даже дух огня радуется тому, что в доме есть ребенок; Сварливая жена — в доме пожар).

Фразеологизмы представляют интересный и богатый материал для изучения языковой картины мира. Русский фразеологизм «на огонёк» (мимоходом зайти, завернуть к кому-либо) очень схож с якутским обычаем: в былые времена, когда якуты жили по аласам, любой прохожий (если ему было долго добираться до дома) мог зайти «на огонёк» (в гости) погреться, выпить чаю, переночевать. *Уот харахха* — в самую точку, в самый раз, точно (говорить, отвечать, попадать и т. д.). Эквивалентно русскому выражению: не в бровь, а в глаз.

Таким образом, русская и якутская лингвокультуры имеют как свои специфические черты, так и определенную общность. Исследование национального концепта ОГОНЬ/УОТ, в этом случае, является одним из способов выяснить уникальность и универсальность данных культур.

Научный руководитель работы — канд. филол. наук, доцент И. П. Павлова

Указатель авторов

Абашина М. А.	5	Кайзер К. В.	25
Абжапарова М. Д.	49	Каршакевич А. О.	27
Адамова С. И.	51	Кожеко А. В.	29
Ананьева У. В.	7	Коровин И. А.	31
Андылырова В. Ю.	53	Косарева М. С.	33
Аргунова К. В.	58	Ли П. И.	70
Бакайтис И. И.	9	Мамонова В. В.	35
Беспамятных С. И.	11	Мелехова Д. Г.	37
Божедонова А. Е.	60	Мигалкина В. В.	72
Булдакова А. Ю.	62	Оленева А. В.	39
Васильев И. Ю.	64	Привалова А. Д.	41
Васильева Е. В.	13	Санждорж Э.	74
Волчок К. В.	15	Смирнов Е. С.	76
Гарифулина С. А.	17	Тарасенко А. О.	43
Гончаренко Е. А.	19	Тимкин Т. В.	78
Данилова О. С.	66	Тимофеева А. А.	45
Доржиев Б. Ж.	68	Чаш-оол О. Г.	80
Евдокимова С. В.	21	Яковлева М. Е.	82
Зюзина О. Н.	23	Яо Сун 47	
Исаева А. С.	33		

Оглавление

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ИСТОРИЯ

Абашина М. А.	5
Ананьева У. В.	7
Бакайтис И. И.	9
Беспамятных С. И.	11
Васильева Е. В.	13
Волчок К. В.	15
Гарифулина С. А.	17
Гончаренко Е. А.	19
Евдокимова С. В.	21
Зюзина О. Н.	23
Кайзер К. В.	25
Каршакевич А. О.	27
Кожеко А. В.	29
Коровин И. А.	31
Косарева М. С., Исаева А. С.	33
Мамонова В. В.	35
Мелехова Д. Г.	37
Оленева А. В.	39
Привалова А. Д.	41
Тарасенко А. О.	43
Тимофеева А. А.	45
Яо Сун	47

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Абжапарова М. Д.	49
Адамова С. И.	51
Андылырова В. Ю.	53
Аргунова К. В.	58
Божедонова А. Е.	60
Буддакова А. Ю.	62
Васильев И. Ю.	64
Данилова О. С.	66
Доржиев Б. Ж.	68
Ли П. И.	70

Мигалкина В. В.	72
Санждорж Э.	74
Смирнов Е. С.	76
Тимкин Т. В.	78
Чаш-оол О. Г.	80
Яковлева М. Е.	82

Научное издание

МНСК-2018

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Материалы
56-й Международной научной студенческой конференции

22–27 апреля 2018 г.

Корректор *А. А. Скворцова*

Верстка *А. С. Терешкиной*

Обложка *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 20.04.18 г.

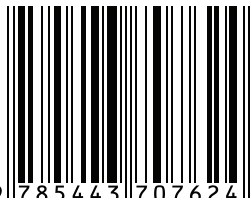
Формат 60 × 84/16. Уч.-изд. л. 5,5. Усл. печ. л. 5,1.

Тираж 100 экз. Заказ № 74.

Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

Секция
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ISBN 978-5-4437-0762-4

N* Новосибирский
государственный
университет
***НАСТОЯЩАЯ НАУКА**

